

ОКСАНА ГРИНБЕРГА

ЛЮБОВЬ
И НЕНАВИСТЬ
В ЭВЕРДОРМЕ

16+

Оксана Гринберга

Любовь и ненависть в Ровердорме

«Автор»

2022

Гринберга О.

Любовь и ненависть в Ровердорме / О. Гринберга — «Автор»,
2022

Как же тихо и спокойно жилось в нашем Ровердорме! Но ровно до той поры, пока молодой герцог Кавингтон не решил провести лето в своем имении, по несчастному случаю расположенном рядом с моим домом. За герцогом в нашу провинцию потянулась и столичная знать. Ну что же, лето обещает быть жарким! Мне предстоит пережить приезд ненавидящей меня родни, сохранить свою тайну, а заодно защитить от нападок младшую сестру и престарелую тетю. Не только это - не помешает хорошенько охранять свое сердце, на которое, как оказалось, скучающие аристократы заключили пари!

© Гринберга О., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	47
Глава 9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Оксана Гринберга

Любовь и ненависть в Ровердорме

Глава 1

Лорд Люк Пирсон подцепил носком сапога камушек. Подбросив его, ловко поймал на лету, после чего с силой зашвырнул в сверкающий на утреннем солнце ручей, возле которого они остановились напоить лошадей.

Камень с булькающим звуком ушел под воду, на что из ручья неодобрительно заквкали.

– Насколько велика возможность того, что к концу лета я тоже начну квакать? – повернув голову, поинтересовался он у своего друга.

Но ответа так и не получил.

Тайлор Бартон герцог Кавингтон, поглаживая бок каурого жеребца, уставился на опушку леса, на которой только что заметил нечто странное. Но тут же качнул темноволосой головой, мысленно сказав себе, что ему показалось.

К тому же места здесь спокойные, и магические потоки стоят не шелохнувшись.

Наконец, повернулся к Люку.

– Никто не заставлял тебя подниматься в такую рань, – заявил ему.

– Это не меня, а тебя никто не заставлял подниматься в такую рань, – проворчал тот в ответ. – Вообще-то, ты прибыл сюда, чтобы наслаждаться заслуженным отдыхом после ранения. Валяться в кровати до полудня, а не скакать через дикие леса в сопровождении своего успешного одичать друга, который скоро заквакает от скуки.

– Ты здесь всего лишь третьи сутки, – возразил Люку Тайлор. – Я прибыл позавчера, так что сходить с ума от скуки нам еще рано. К тому же у меня есть дела в Ровердорме. Да и ты, уверен, найдешь чем здесь заняться.

– Дела, о которых ты, конечно же, ничего мне не расскажешь, – кивнул Люк. – Но я говорил тебе много раз, что государственные заботы меня мало интересуют. Куда больше меня волнует то, что в этих краях за прошедшие три дня я так и не встретил ни одной местной красавицы!

– Погоди немного, – усмехнулся Тайлор. – Скоро сюда придут столичные.

– О да, я успел заметить стопу надушенных писем, лежавших этим утром на подносе в твоей гостиной! От такого количества парфюма у твоих бедных слуг давно слезятся глаза. Неужели вся столичная знать решила переселиться в Ровердорм?

– Очень на это похоже, – кивнул Тайлор.

– Ну что же, тогда скучать тебе не придется – прибывшие девицы сразу же откроют на тебя сезон охоты. Бьюсь об заклад, лето года 623 от Снисхождения Богов станет для тебя жарким. Давай поспорим? Скажем, на двести фартингов?

– Люк, – поморщился герцог, – я не собираюсь с тобой спорить. Кстати, ты еще не заплатил мне то, что задолжал за прошлые пять проигрышей, и сумма набежала немалая.

– Спорим, что в Ровердорме нет ни одной местной красотки, – ничуть не смущенный отповедью, не унимался Люк. – Те, кого я успел здесь повстречать, произвели на меня самое унылое впечатление.

– Кроме жены мельника, – намекнул ему Тайлор.

– Кроме жены мельника, – тут же согласился Люк. – Признаюсь, после вчерашнего вечера я собираюсь объезжать ту мельницу далеко стороной.

– И кабак обходить тоже не помешает, – посоветовал ему Тайлор. – Именно там она строила тебе глазки, а потом перешла от слов к делу.

– Не напоминай! – застонал Люк. – Просто помолчи, если не хочешь моей смерти! Пусть случившееся останется между нами и теми, кто вчера набрался в том кабаке до беспамятства!

Тайлор усмехнулся, вспомнив, как прибыл в поисках друга в местный вертеп, после чего буквально отбил Люка у местной мельничихи, по словам остальных, больно охочей до любовных утех.

– И все же, как думаешь, встретим ли мы здесь с тобой хоть одна девицу, чистую душой и прекрасную лицом и телом настолько, что я позабуду обо всем на свете? – патетически произнес Люк. – Что такое, Тайлор? – поинтересовался он, увидев, как его друг замер. – Только не говори мне, что опять чуешь монстров! В Ровердорме спокойно, ты сам мне об этом твердил, а до ближайшего Разлома отсюда далеко.

Впрочем, под руками Люка тут же закрутились магические вихри. В Элайре в последнее время нападения можно было ожидать откуда угодно, и становилось только хуже.

Тайлор покачал головой.

– Погоди, Люк, и магию свою убери. Посмотри-ка туда!

Его друг послушно повернул голову, и его смуглое, с подвижными чертами и обрамленное темными кудрями лицо расплылось в улыбке.

– Ты прав, Тайлор! Демоны тебя побери, ты прав! – произнес он негромко. – Здесь, в Ровердорме, все-таки есть на что посмотреть! Жаль, она слишком далеко, и я не вижу ее лица, но уверен, что зрелище будет настолько же восхитительное, как и все остальное.

Тайлор не ответил, уставившись на появившуюся на опушке тонкую девичью фигурку верхом на великолепном гнедом жеребце. Незнакомка была в мужском седле, пышная светлая юбка прикрывала колени, при этом оставляя на виду ногу в высоком сапоге.

И еще он заметил, как сверкали на солнце ее длинные золотистые волосы, свободно рассыпавшиеся по спине.

Люк прав – лица девушки из-за утреннего солнца было не разглядеть, но Тайлор почему-то не сомневался в том, что она окажется настоящей красавицей.

– Тихо, тихо! – пробормотал его друг, враз став похожим на гончую, учуявшую дичь. Он негромко похлопал по боку свою всхрапнувшую лошадь. – Тише, Демон, не глупи! Сейчас для нас главное не спугнуть удачу!

И сглазил, вот же демон!

Лошади, напившись из ручья, принялись меланхолично объедать ближайший куст, но Риз, верный пес Тайлора породы далманских беговых, недоуменно гавкнул, словно вопрошая, почему хозяин не едет дальше.

Задумавшаяся девушка резко повернула голову, затем натянула поводья. Ее лошадь тут же остановилась, послушная приказу, после чего свернула в сторону.

– Демоны преисподней! – выругался Люк. – Тайлор, так она от нас сбежит! – В следующую секунду он уже был в седле. – Ну же, поскорее, иначе ты проворонишь свое счастье!

– Ты серьезно собираешься ее догонять? – оказавшись в седле, поинтересовался Тайлор.

Прислушался к себе – не только Люк, он и сам хотел отправиться в погоню, а в голове уже крутились варианты того, что он скажет знакомке, когда они поравняются.

Ничего плохого на уме у него не было. Но Люк прав – последние два дня прошли до невозможности скучно, а впереди его ждало еще целых три месяца бессмысленной провинциальной жизни.

Именно сюда, в Ровердорм, где у Кавингтонов имелось сельское имение, отправил его двоюродный дядя, король Элайра – можно сказать, что сослал. Заявил, чтобы Тайлор не вздумал возвращаться в столицу раньше осени – именно такой срок отводили ему на восстановление королевские лекари.

Заодно, чтобы любимый племянник не чувствовал себя в ссылке, дядя дал ему задание. Приказал разобраться с тем, что происходит в Ровердорме. Вернее, почему здесь ничего не происходит, когда во многих уголках Элайра, включая столицу, довольно напряженно.

Дело казалось Тайлору таким же безнадежным и беспросветным, как и все вокруг. Зато теперь наметилось хоть какое-то спасение от провинциальной скуки.

– Мы ни в коем случае не станем загонять ее с собаками, – сказал он Люку, – так что я придержу Риза, а ты пригляди за Стрелой. Нельзя, чтобы девушка испугалась или, не дай Боги, упала с лошади. Мы ее нагоним, но исключительно для того, чтобы поздороваться.

– Так и сделаем! – с энтузиазмом отозвался Люк. – К тому же я уверен, что местная красotka не слишком хорошо держится в седле.

Но он ошибся, как и Тайлор. Девушка не только оказалась отличной наездницей – лошадь под ней нисколько не уступала в скорости породистым жеребцам, поэтому, сколько бы ни старались, они с Люком так и не смогли с ней поравняться.

Хорошо хоть, незнакомка не стала сворачивать в лес – нестись на такой скорости среди деревьев было бы чистой воды самоубийством. Вместо этого наездница летела словно ветер вдоль кромки леса, пока... впереди не показалось поваленное бурей дерево, преграждавшее им путь.

Его крона упала в ручей, устроив приличных размеров заводь – так просто было и не объехать. Но незнакомка и не думала останавливаться.

– Стой! – завопил Тайлор, натягивая поводья, с отчаянием понимая, что девушка его не услышит. – Осторожнее! Сейчас же остановись!

Люк на своем Демоне подоспел на пару секунд позже, тоже натянул поводья.

– Да она свернет себе шею! Убьется сама и лошадь свою угробит! – воскликнул он, уставившись на всадницу, которая была уже рядом с поваленным деревом. – Тайлор, невозможно взять такую высоту!

Но в следующую секунду девушка прильнула к гриве, ее конь грациозно взмыл в воздух, на что герцог Кавингтон и его друг уставились с открытыми ртами.

Нет, незнакомка, казавшаяся слишком хрупкой на огромном жеребце, вовсе не убилась, не свернула себе шею и даже не выпала из седла. Вместо этого ее лошадь преспокойно приземлилась на другой стороне от дерева. Девушка разогнулась и, не поворачивая головы, как ни в чем не бывало продолжила свой путь.

Ехала спокойно, не торопясь, словно понимала, что препятствия ее преследователям не взять. И уже очень скоро она свернула в лес, исчезнув с их глаз.

Неожиданно Тайлор почувствовал давление в правом виске – ему показалось, будто бы кто-то сверлил его тяжелым взглядом. Он тут же повернул голову и поморщился – так и есть, не почудилось ни в этот, ни в прошлый раз.

Неподалеку от кромки леса рядом с цветущим кустом раkitника стоял здоровенный белый волк.

Матерый хищник уставился прямоком ему в глаза. Смотрел, как показалось Тейлору, с укоризной.

– Люк, погляди! – негромко позвал герцог. – Пожалуй, теперь магия нам не помешает.

Впрочем, уже в следующую секунду он усомнился в магическом происхождении волка. Невидимые глазу потоки так и стояли девственно-нетронутыми.

Но рука уже привычно потянулась к мечу – с использованием магии после ранения у него возникли некоторые затруднения. Люк тем временем крутил головой.

– На что? Куда мне смотреть?

– Я только видел здоровенного белого волка.

Впрочем, хищник уже успел скрыться, исчезнув так же беззвучно, как и появился, и Люк взглянул на друга подозрительно.

– Думаю, здесь водятся не только белые волки, но и бурые медведи за каждым кустом, – произнес он примирительно. – Провинция, что с них взять! Наша красавица тоже испарилась, словно ее и не было. Ну что же, как мы станем ее искать?

Будет ли он ее искать, такой вопрос у Тайлора не стоял, но его неожиданно задело то, что и Люк собирался это делать.

Его друг – разгильдяй и столичный повеса, для которого не существовало других отношений, кроме как коротких и необременительных любовных связей. Тайлор присутствовал в качестве секунданта на нескольких дуэлях, на которые вызывали его друга мужья-рогоносцы, и до последнего пытался избежать кровопролития и добиться примирения сторон.

И вот теперь Люк собирался...

Судя по всему, его друг думал позабавиться с местной красоткой, после чего через три месяца, а то и раньше – как только уляжется последний скандал, – вернуться в столицу.

Раньше подобные вещи не вызывали у Тайлора отторжения. Признаться, ему было все равно, но теперь его посетило странное чувство, похожее на досаду.

Он и сам собирался отыскать сбежавшую девицу, которая ловко обвела их вокруг пальца. Незнакомка отлично знала эти места и догадывалась, что они не смогут ее догнать – не станут рисковать ни своими жизнями, ни лошадьми.

Поэтому ей удалось ускользнуть, хотя Тайлор уже помышлял о приятном знакомстве, которое скрасит его утро. Следовательно, ему нужно это исправить.

– Я ее найду, – произнес он уверенно.

Люк склонил голову. Черные глаза глядели насмешливо.

– И как же собираешься это проверить? Устроишь засаду на этом самом месте и станешь ее выслеживать, как монстров в горах Ульреха?

– Зачем такие сложности? – пожал плечами Тайлор. – Расспрошу о ней местных. Молодая светловолосая девушка верхом на вороном коне, да еще и в мужском седле – не думаю, что в Ровердорме таких найдется слишком много.

– Тебе никто и ничего не скажет, – покачал головой Люк. – Я провел здесь на день больше твоего, мой друг, и многое успел понять. Могу с уверенностью тебе заявить, что местные держатся обособленно. У них существует что-то вроде братства...

– Братства?

– О да, Орден Святого Презрения к Столичным, – усмехнулся Люк. – Мы с тобой попадаем в разряд презираемых, несмотря на наши титулы и твои воинские заслуги. Местные будут молчать и старательно делать вид, что они внезапно онемели и оглохли. Ты ничего от них не узнаешь.

Но Тайлор так не думал.

– Уверен, я найду способ их разговорить! Управляющий «Кипариса» тот еще пройдоха. У него такой вид, словно он лично держал свечку над каждой кроватью в Ровердорме. Он все мне выложит, стоит мне накинуть пару золотых сверх его жалования.

– Давай все-таки поспорим, друг мой! – не сдавался Люк. – Заключим с тобой пари. Я дам тебе неделю... Хотя нет, даже больше. Скажем так, две недели на поиски нашей сбежавшей незнакомки.

– Целых две недели? – усмехнулся Тайлор. – Какое неслыханно щедрое предложение с вашей стороны, лорд Пирсон!

– Именно так, четырнадцать дней, – не унимался Люк. – Как раз до скачек в Ольсене. Если за это время ты найдешь нашу сбежавшую красотку, тогда...

– Тогда что?

– Тогда я верну тебе все, что задолжал. Даю слово Пирсона!

– Еще одно крайне неожиданное предложение с твоей стороны – вернуть свои старые долги, – вновь усмехнулся Тайлор. – Но что будет, если я все-таки ее не отыщу?

– Мне хватит вида твоего лица, на котором я увижу твои разбитые мечты, – с явным удовольствием отозвался Люк. Затем добавил с деловым видом: – К тому же я хочу твоего Ночного Ветра. Того самого скакуна, которого ты собираешься выставлять на местных скачках.

– Вижу, ты своего не упустишь.

– Не упусти, – согласился тот. – Мы, Пирсоны, никогда не пропускаем ни единого отличного шанса, это у нас в крови. Ну что, согласен? Что на это скажешь?

– Я найду ее уже к сегодняшнему вечеру, – уверенно произнес Тайлор, – так что готовься заплатить по счетам. Это будет отличным уроком для тебя, Люк, больше никогда со мной не спорить!

– Но я азартный человек, – не унимался его друг. – Как я могу не спорить, если впитал авантюризм с молоком матери?

Она была алалинских корней, что выражалось в более темном, чем привычный для Элайра, цвете лица, черных как смоль глазах и непослушных вихрах смоляных волос у ее детей.

– Мне все равно, что именно и откуда ты впитал, – заявил Тайлор. – Просто заплати по своим счетам.

Люк кивнул.

– Так и быть! Если найдешь сбежавшую красотку до дня скачек, я тотчас же верну все старые долги. Если нет – Ночной Ветер мой! Ну что, по рукам?

Тайлор, немного подумав, кивнул, после чего в воздухе промелькнула и исчезла алая магическая печать, скрепившая их пари. Затем добавил задумчиво:

– И почему меня не покидает стойкое ощущение, что я обманул сам себя и от этого пари ничего не выиграю?

– Потому что ты ее не найдешь, – уверенно произнес Люк, – и Ночной Ветер скоро станет моим. Такие красавицы верхом на великолепном скакуне в местной глуши – это лишь видение, плод нашего с тобой разморенного провинцией воображения. Местные легенды, облекшиеся в плоть, явившиеся перед нами на короткое время, чтобы потом исчезнуть без следа.

– Думаешь, она была видением? – нахмурился Тайлор.

Люк пожал плечами, обтянутыми дорогим сукном.

– Вполне возможно, ее появление связано с местными племенами, которые живут в резервации неподалеку. Я слышал, они обладают странной магией. Кстати, как их называют? Чиррото? Чиботто?

– Чикотто, – поправил его Тайлор, – и айваро. Но я так не считаю, Люк! Уверен, девушка была живой, во плоти и крови.

– Точно такой же, как явившийся тебе волк, – усмехнулся Люк. – Научитесь уже признавать свои поражения, непобедимый герцог Кавингтон!

Вместо ответа Тайлор тронул коленями бока Ночного Ветра. Говорить на эту тему с Люком ему не хотелось.

Тот бой, в котором он получил ранение, был его первым серьезным поражением, едва не стоившим ему жизни. И путь с того света оказался для него довольно долгим.

Впрочем, к этому времени рана, полученная в горах Ульреха и долго отказывавшаяся заживать, все-таки затянулась, но до сих пор отдавала в спину и руку.

По утрам или после активных физических занятий Тайлор чувствовал себя стариком, хотя доктора и придворные маги в один голос утверждали, что через эти самые три месяца он должен окончательно поправиться, после чего сможет вернуться к тому, что не успел закончить.

Пусть не закрыть, но хотя бы встать на страже одного из Разломов, появившихся на теле их Элайра.

Магический резерв, который Тайлор утратил в той битве, исчерпав себя полностью, тоже постепенно восстанавливался. Но полное его возвращение требовало те самые три месяца покоя.

Поэтому дядя и сослал его в Ровердорм.

Прийти в себя, вернуться в форму, а заодно выяснить, почему эта провинция не подвергалась нападениям монстров, если один из Разломов находился не так уж далеко. В горах, возвышавшихся на горизонте, утыкаясь белыми шапками ледников в бесконечно-голубое небо.

Судя по всему, этот Разлом до сих пор оставался запечатанным, хотя почти все остальные, несмотря на усилия магов Элайра, трещали по невидимым глазам швам.

На все про все у Тайлора было три месяца. И ровно две недели, чтобы отыскать незнакомку, которая так ловко от него ускользнула.

К тому же ему несколько не хотелось терять Ночного Ветра. Он успел привязаться к жеребцу, которого привез в Ровердорм вовсе не для того, чтобы бездарно проиграть в споре Люку Пирсону, его бывшему сокурснику по Академии Магии, успевшему стать хорошим товарищем и другом.

Тайлор собирался выставлять Ветра на скачках, сперва опробовав того в провинции, а потом уже в столице.

Но что, если его друг прав и девушка была всего лишь видением? Поманила его, затронув невидимые струны души, после чего развеялась в утренней тиши, словно дым?

Точно так же, как исчез белый волк, смотревший на него оценивающе и выжидательно.

Так, словно он был здесь хозяином, а Тайлор – всего лишь гостем, и волк решал, оставить ли его или вышвырнуть вон.

Нет же, сказал себе Тайлор, тот хищник был обычным хищником. Девушка тоже существует, и он обязательно ее отыщет. Причем сделает это в самое ближайшее время, и две недели, так благородно отведенные Люком, ему ни к чему!

Глава 2

Стоило мне сбежать с крыльца, как под ноги, заполошно кудахча, бросилась рыжая курица. Ее товарка, деловито рывшаяся в траве неподалеку, окинула меня недовольным взглядом, после чего обе, полные праведного возмущения, удалились к ближайшим кустам.

К стене, где росли кустовые розы, всячески мною холимые и лелеемые.

На дворе стояло начало июня, и бутоны только начали появляться, но совсем скоро вся южная сторона двухэтажного дома будет в белых, пышных и сладко пахнущих цветах.

Этот сорт был выведен в нашей провинции, назывался он «Ровердормская Сплетница», хотя сплетничать в этих кустах я бы никому не посоветовала. Уж больно колючие!

– Вот вы где, хозяйка! – заявила мне, вывернув из-за угла, полноватая, средних лет, со сбившейся набок прической Уна. В руках она держала корзину с чистым бельем. – А я вас повсюду ищу!

В «Поющей Иве» Уна была экономкой, а заодно кухаркой, горничной и служанкой в одном лице. Здесь никто не чурался работы, потому что этой самой работы делать было не переделать.

– Доброе утро, Уна! – отозвалась я осторожно. – Оказывается, у нас снова сбежали курицы.

Решила ее отвлечь – судя по выражению лица, Уна собиралась вывалить на меня целых ворох проблем, а у меня и своих был целый воз... Нет же, два огромных воза и бесчисленное количество тележек!

Несмотря на весь этот состав, я собиралась начать утро как обычно. Вывести из конюшни Грома и дать ему хорошенько размяться. Скачки в Ольсене, самое крупное мероприятие в нашей провинции, были не за горами – до них оставалось всего-то две недели.

И пусть мы ждали приезда столичной родни уже сегодня, я не собиралась менять свои планы, потому что главный приз в Ольсене был слишком хорош. Но даже если бы нам с Громом удалось взять даже второе или третье место, этих денег хватило бы на многое.

– Еще как сбежали! – согласилась со мной Уна. – Гуси тоже ушли к Ирвингам, и теперь плавают в их роскошном пруду среди кувшинок и лилий. Кстати, старый лорд Ирвинг считает, что это лебеди, а слуги не спешат его в этом разубеждать.

Не выдержав, я усмехнулась.

Ну что же, это было вполне в духе столичных – перепутать гусей с лебедями. Впрочем, любоваться нашей стаей старому Ирвингу оставалось недолго, потому что Патрик, муж Уны, уже ушел за «беглецами».

– И весь этот бедлам, мисс Мира, – начала Уна, – только потому, что ваша сестренка...

– Не продолжай, – вздохнула я. – Значит, Лиззи снова не закрыла птичник?

Уна кивнула.

– Этим утром ей опять принесли большую курицу. Хортоны, вы же их знаете, у них вечно то понос, то золотуха. А мисс Лиззи, конечно, добрая душа, вызвалась ее лечить. Хотя я сразу же сказала: такую только в суп, пока не издохла! Но ваша сестрица не стала меня слушать, вместо этого спряталась от меня в птичнике.

– И что курица?

– Где-то бегаёт, – хмуро сообщила мне Уна. – Причем вместе с нашими, потому что ваша сестра снова забыла закрыть калитку. И что толку от ее лечения, если они сбегут в лес? Вчера, говорят, там снова видели белого волка. Этих только проблем нам не хватало!

И я с ней согласилась.

Уна была права – ко всем нашим проблемам не хватало только потерять куриц или же стаю высокомерных шипучих гусей.

Холодная зима и ранняя весна далась всем обитателям «Поющей Ивы» непросто – год вышел скудным на урожай, и арендаторы едва сводили концы с концами. К тому же практически всю сумму, которую им удалось заплатить, я отправляла в столицу, поэтому яйца давно уже стали основным блюдом в нашем рационе.

Как и то, что мы выращивали в огороде и в теплицах за домом.

Тут откуда-то сбоку на дорожку вынырнула Лиззи в своем стареньком, до колен платье, хотя я давно уже перешла для нее несколько своих. Но сестра напрочь отказывалась их надевать, носила старые.

Ей было тринадцать, на шесть лет младше меня.

Говорят, в этом возрасте девичьи фигуры округляются, и в важных местах начинает расти то, что должно вырасти, но Лиззи решительно нарушала это правило. Она была невысокого роста, хотя и порядком вытянулась за прошлый год, но все еще оставалась слишком худенькой, даже хрупкой, несмотря на наши с Уной попытки ее откормить.

Льняные локоны спадали на спину с выступающими лопатками, выбившись из уложенных вокруг затылка кос – моя скромная попытка проявить сестринскую любовь. Но ленточки я повязала красиво, этого у меня было не отнять.

Серые глаза сестры смотрели на мир спокойно, даже созерцательно. Иногда мне даже казалось, что Лиззи знала то, что остальным невдомек.

Тайну.

Только вот она... молчала. Перестала разговаривать пять лет назад, после того как наши родители, а с ними почти треть жителей Ровердорма умерли во время страшной эпидемии красной лихорадки.

Болезнь заглянула почти в каждый дом в нашей округе. Пришла она и в «Поющую Иву», из-за чего леди и лорд Уилсоны отправились на небеса, а мы с Лиззи долгие недели провели на грани между жизнью и смертью.

Выходила нас старая тетушка Прим, которую лихорадка обошла стороной.

Именно тогда это со мной и произошло.

Чем именно эпидемия обернулась для Лиззи и почему, несмотря на старания магов и докторов, ей не становилось лучше, я не понимала. Возможно, мне нужно было начинать лечить сестру раньше, как только ей стало получше, но я этого не сделала, за что себя порядком корила.

Впрочем, когда я откручивала память на пять лет назад, вспоминая те ужасные дни, складывавшиеся в недели, а потом и в месяцы, мне становилось понятно, что я бы все равно ничем не смогла ей помочь.

Пусть моя собственная болезнь отступила, но несколько месяцев я пребывала словно в тумане. Едва помнила похороны родителей, на которые так и не явилась наша родня. Не только они – в маленькой часовне, а потом и на кладбище, почти никого не было. Только мы с тетей Прим и еще пара слуг, способных держаться на ногах.

Но это было мудрое решение, за которое я никого не осуждала. Ровердорм в те времена считался карантинной зоной, и лихорадка мало кого пощадила.

Но то, что наши родственники сделали потом... Тогда, когда я все еще была слаба и с трудом передвигалась по дому, натываясь на стены, а Лиззи лежала день за днем в кровати, отказываясь есть и уставившись в потолок...

В те дни, когда я боялась, что потеряю еще и ее, столичная родня лишила нас всего. Откуда-то взялись долговые расписки – фальшивые, нет никакого сомнения! – по которым Тобиас Уилсон, наш с Лиззи отец, задолжал огромные суммы своему младшему брату Персивалю.

В погашение этих долгов дяде отошли и наш дом в Ровердорме, и земли Уилсонов, которыми владела наша семья. Почти все, за исключением малой части, принадлежавшей тете Прим.

К тому же нашим с сестрой опекуном до замужества становился дядя, от которого мы с Лиззи оказались полностью зависимы. Этот самый дядя добрался еще и до наших счетов, лишив нас с сестрой всех средств к существованию.

У нас не осталось ничего – лишь небольшие сбережения тетушки Прим, которые быстро иссякли и ничем нам не помогли – ни поставить на ноги Лиззи, ни победить пронырливых юристов нашей столичной родни.

Я честно боролась, но – увы! – проиграла.

У столичных Уилсонов оказалось больше связей и денег, так что фальшивые расписки вступили в силу. Еще через несколько месяцев отменили карантинные меры, разрешив въезд в Ровердорм, и дядя с тетей явились в «Поющую Иву» собственными лживыми персонами.

Наша встреча была короткой – они прибыли всего лишь на несколько часов. Отказались выслушать меня и тетю Прим, заявив, что в доме мы остаемся исключительно из милости, так что нам стоит их еще за это поблагодарить.

После чего приказали слугам увезти из «Поющей Ивы» то, что посчитали ценным.

Мебель, правда, оставили, хоть на этом спасибо.

Перед отъездом они сообщили, что я и моя все еще не оправившаяся от болезни сестра в любой момент можем оказаться в одном из монастырских пансионатов, если мы, не дай Боги, поднимем шум или начнем искать справедливости. А тетушку они сдадут в богадельню.

На это тетя Прим усмехнулась, а я подумала, что не построена еще такая богадельня, которая могла бы удержать Примулу Уилсон в своих стенах.

Но так как они не звери, добавил дядя, чтобы обречь нас на столь ужасную судьбу, мы можем жить в этом доме под присмотром нашей тети, никуда не выезжая из Ровердорма.

Затем они укатили восвояси, оставив своего управляющего. Тот, правда, быстро спился, став завсегдатаем кабака в Ровердорме и канавы рядом с ним, где однажды и закончил свой земной путь.

Но я давно справлялась со всем сама, и эта ситуация устраивала обе стороны.

Даже пришедшее два года назад требование пересылать в столицу почти все деньги, полученные от арендаторов, оставляя себе и на содержание дома лишь сущие крохи, я тоже выполняла.

Понимала, что Лиззи в пансионате, о котором с затаенной усмешкой рассказала мне дядина жена, не выживет. Да и я не собиралась оставлять свой дом.

Так мы и жили в «Поющей Иве». Слуги – те, кто перенес эпидемию, – давно разбежались, потому что платить им было нечем. С нами остались лишь Уна с мужем Патриком и сыном Донахью, парнем лет двадцати пяти.

Но болезнь заглянула и в их семью.

Забрала престарелых родителей и брата мужа со всей его семьей. Уну с Патриком пощадила, а тете Прим удалось выходить Донахью. Правда, лихорадка не прошла для него без следа. Парень долго молчал, как и Лиззи, а когда заговорил, то стал заикаться.

Но все равно он был в куда лучшей ситуации, чем моя сестра. Лиззи общалась только жестами и короткими записками, поэтому, как только мне удавалось скопить немного денег, я тотчас же возила показывать ее местным докторам и магам.

Те же в один голос утверждали, что не видят причины, которая мешала бы сестре заговорить. Значит, дело серьезное, поэтому мне обязательно нужно отвезти ее в столицу. Показать Лиззи магам и докторам с правильными дипломами и куда более высокой квалификацией.

Я собиралась это сделать, но пока что мы не могли себе это позволить. А просить у дяди – ну что же, я однажды попросила, но больше делать этого не собиралась.

...Лиззи, появившись на дорожке, мне помахала, но, завидев Уну, припустила во весь опор, спрятавшись за углом дома. Похоже, догадалась, что ей влетит за разбежавшихся куриц.

– Ну вот что с ней поделаешь! – вздохнула экономка. Затем обратила свою неумную энергию на сбежавших негодниц: – Ко-ко-ко!.. Идите ко мне, безмозглые птицы, я вас покормлю! Ко-ко-ко! – И тут же, позабыв о курицах, повернулась ко мне, окинув меня подозрительным взглядом: – А вы, мисс Мира, часом не на конюшню собрались?

Пришлось признаться, что именно туда, хотя стало понятно, что сейчас влетит уже мне.

– Нехорошо это! – заявила Уна. – Молодая леди в одежде крестьянки и в мужском седле разъезжает в одиночку, когда в округе полным-полно незнакомых людей!

На это я мысленно усмехнулась.

О том, что я была леди Уилсон, я вспоминала очень и очень редко. Если только в церкви по воскресеньям, где Уилсонам были отведены именные места на первой скамье. Или же когда отправляла деньги в столицу и приходилось подписывать бланки.

Или когда меня приглашали на праздники и дни рождения в богатые дома моих школьных подруг, с которыми мы учились в Ровердорме.

Тогда я надевала красивые, хотя давно вышедшие из моды платья, перешитые из маминых, а Уна, причитая, пыталась что-то сделать с моими руками, волосами и отбелить лицо, привыкшее к свежему воздуху и сельскому загару.

Тетя Прим привычно ходила кругом, постукивая тростью по старому паркету, и бормотала, что все это совершенно бесполезно.

Она была права – бесполезно! У Уны ничего не получалось сотворить ни с моими руками, ни с моим лицом, так как леди из Миры Уилсон было уже не сделать.

И все потому, что я не была настоящей леди Уилсон.

– Гром д-давно уже вас з-заждался, мисс М-мира! – запинаясь, заявил Донахью.

Я столкнулась с ним в дверях конюшни и в очередной раз подумала, что Донахью вполне симпатичный парень – светловолосый, с открытым лицом и немного смущенным взглядом серых глаз.

Но, к сожалению, проклятая болезнь оставила после себя не только заикание. Донахью прихрамывал, из-за чего страшно робел перед девушками. Подозреваю, стыдился сам себя, считая свои недостатки ужасающими, и напрасно мы его уверяли, что это совсем не так.

К тому же Донахью давно заглядывался на дочь кузнеца, а месяц назад, на весеннем балу в Ровердорме, я получила подтверждение своим догадкам. Заметила, как Донахью стоял в стороне от танцующих, краснея и сжимая руки в кулаки, но при этом глядел только на нее.

Долли Солвейн тоже на него посматривала. Причем со значением.

Не сказать, что она была настоящей красавицей, но таких, как Долли, в Ровердорме называли «кровь с молоком».

Вот и я тоже смотрела – то на мнущегося Донахью, то на дочь кузнеца, которая призывно на него поглядывала, отказывая то одному, то другому своим кавалерам.

Признаюсь, к середине танцев мне захотелось подойти и дать сыну Уны хороший подзатыльник, отправив его наконец-таки к Долли. Но я не стала этого делать – понимала, что в таких вопросах сила не поможет. Даже разговоры не помогали, хотя я всячески пыталась настроить Донахью на нужный лад.

Не только я – Уна давно пилила сына насчет внуков, а я успела пару раз намекнуть, что пустующий коттедж на территории «Поюшей Ивы» может стать их.

Но дальше переглядываний дело у них с Долли не шло.

Зато со мной Донахью почти не робел и не заикался – наверное, потому что не рассматривал меня в качестве романтического объекта. Только как свою хозяйку, которой он был предан душой и телом.

Я тоже его не рассматривала...

Вернее, рассматривала, но только когда размышляла, как получше и побыстрее свести их с дочерью кузнеца. А еще – когда два года назад Донахью заболел воспалением легких, а я прикидывала, что бы такого заварить ему из трав, чтобы стало полегче, потому что моя целительская магия не помогала.

Потом он сломал руку, упав с лесов, когда пытался залатать дыру в крыше западного крыла. Затем наступил на ржавые вилы, что добавило мне тревог, потому что воспаление крови мне было не вылечить. Боги в тот раз миловали, но после этого он заболел чем-то таким, что мой разум отказывался классифицировать.

Спасла Донахью тетя Прим, заявив, что однажды обучит этому и меня.

А еще Донахью обожал Грома, которого мне подарила тетушка на шестнадцатилетние. Великолепный вороной жеребец с отметиной на голове в виде молнии значил для меня очень многое.

Наверное, потому что он был только моим. И еще я иногда чувствовала, словно он – часть меня.

Науке обращаться с лошадьми меня обучил парнишка из племени чикотто, который привел жеребца из резервации в день моего рождения. Они стояли с Громом на газоне перед входом в «Поющую Иву», и тетушка Прим, подведя меня к окну на втором этаже, сказала, что это ее мне подарок.

К подарку прилагался еще и Шоун, парень примерно моего возраста. Он оставался у нас почти год – учил меня правильно обращаться с Громом. К тому же помогал нам по хозяйству, заделав вместе с Патриком и Донахью дыры в крыше, оставшиеся после одного из ураганов.

Иногда я видела Шоуна, разговаривавшего с тетей или же прогуливавшегося вдоль Лягушачьего Пруда с моей сестрой, и Лиззи доверчиво вкладывала маленькую ладошку в его руку.

Шоун Белый Змей стал членом нашей маленькой семьи, и я, признаюсь, испытывала к нему самые теплые чувства.

Но два года назад он пропал, исчез без следа. Ушел из конюшни, в которой ночевал, напрочь отказавшись жить в доме. Забрал свои нехитрые пожитки, никого не предупредив и не оставив мне записки.

Я переживала, горевала и даже порывалась отправиться за ним в резервацию, чтобы найти ответы – вернее, найти Шоуна! – но тетушка меня удержала. Не позволила, снова заявив, что еще рано и мое время не пришло.

После чего добавила, что Шоун обязательно вернется.

Но его до сих пор не было – а я, признаюсь, все еще горевала.

Вздыхнув, я подошла к Грому, уже оседланному и стоявшему в просторном деннике рядом с рыжим бодливым меринком по кличке Мерлин. Поздоровалась со своим конем, сказала, что уже скоро поедем.

– Вот что я п-подумал, мисс Мира! – произнес Донахью, уставившись на меня светлыми, почти прозрачными глазами. – М-может, вам стоит п-подержать Грома у Д-делавейров? Ну, пока столичные не уберутся... Там ему и нам б-будет спокойнее!

Он почти перестал заикаться, да и выглядел как...

Как защитник.

– Спасибо, Донахью! – улыбнулась я. – Я тоже об этом подумала и уже договорилась с Делавейрами. Если будет нужно, они возьмут Грома к себе.

Но сперва мне хотелось еще раз посмотреть на столичную родню. Мы не виделись с ними четыре с лишним года. Быть может, с дядей и тетей произошли изменения в лучшую сторону?

Правда, Роган Делавейр, с которым я училась в школе в Ровердорме, говорил, что мои родственники – столичные шакалы. А шакалы не изменяют своим шакальим привычкам, поэтому постараются отобрать у меня последнее. Сделают все, чтобы забрать Грома.

Но они не могли! Не имели на мою лошадь никакого права!

Да, дом они у нас отняли, лишив с Лиззи наследства, но Гром по всем документам принадлежал только мне, и я не собиралась никому его отдавать.

– Мы немного прокатимся, – сказала я Допахью, после чего легко взлетела в седло. Взявшись за поводья, тронула Грома коленями, и тот послушно вышел из конюшни.

На миг я счастливо закрыла глаза, подставляя лицо теплому летнему ветру. Затем повернула голову и стала смотреть на то, как поднималось из-за гор солнце, окрашивая ледники на вершинах в расплавленное золото; после чего его лучи разбегалась по склонам, стекая тем самым золотом к бесконечным лугам и лесам Ровердорма.

– Пожалуй, сегодня просто разомнемся, – сказала я Грому. – Оставим тренировку на другой раз.

На дальнем пастбище у нас был устроен тренировочный круг, но мне хотелось поскорее вырваться на свободу. Добраться до опушки, затем скакать вдоль кромки леса во весь опор; стремглав лететь к горам, чувствуя, как в крови плещется адреналин.

Да, я знала чужое для этого мира слово.

Помнила еще много слов – и даже могла произнести их на своем родном языке, незнакомом для Элайра. Хотя память, притупленная воспоминаниями настоящей Миры Уилсон, уже начинала меня подводить.

Иногда мне казалось, что в моей жизни не было ни огромных городов, ни стремительных машин, ни смартфонов с разноцветными картинками Интернета.

Вместо этого всегда существовали великаны-горы, дремлющие на горизонте, и золотисто-серая полоса нераспаханной степи, за которой начинались колосающиеся озимые на полях арендаторов Уилсонов. А еще был лес, стоявший, словно страж, между территорией королевства Элайр и племенами, исконно населявшими эти земли.

Наконец, когда Гром порядком разогрелся, я пустила его шагом.

Мы ехали через королевский лес, в наших краях давно уже считавшийся ничейным, отделявший владения Уилсонов от бесконечных угодий герцога Кавингтона. С правой стороны начинались земли лорда Ирвинга, тоже примыкавшие к нашим, причем настолько хитро, что от «Поющей Ивы» до дома Ирвингов было и рукой подать, и наши гуси под видом лебедей частенько захаживали в чужой пруд.

Услаждали взор старого лорда, недавно переехавшего в свое имение.

Мерно покачиваясь в седле, я думала о том, что и Густав Ирвинг, и столичные Уилсоны возвращались в эти места неспроста. В народе говорили, что очень скоро в каждом пустующем имении Ровердорма появятся давно позабывшие о них хозяева.

Не только в имениях – свободные дома и коттеджи в Ровердорме сейчас были нарасхват и сдавались за баснословные суммы.

По словам подруг, причина подобного «великого переселения» была в том, что молодой герцог Кавингтон собирался провести лето в наших краях, а за ним в Ровердорм перебирался и весь столичный свет.

После этого подруги замолкали и смотрели на меня со значением – наверное, ждали моей восторженной реакции на открывавшиеся перед незамужними девицами Ровердорма брачные перспективы.

Но я лишь пожимала плечами, заявляя, что ничего не смыслю ни в герцогах, ни в столичном свете и ни в причинах, по которым им могло что-либо понадобиться в нашей тихой и сонной провинции, в которой ничего, совершенно ничего не происходит!

...Но тут оно внезапно начало происходить, причем прямым перед моими глазами. Сперва я услышала собачий лай, а потом заметила двух мужчин, о чем-то разговаривавших возле ручья.

Они, к сожалению, тоже меня заметили.

Пусть незнакомцы находились довольно далеко, но я сразу же поняла, что они не местные. Уж больно вычурно были одеты – глаз сразу же зацепился за яркие цвета и непривычный фасон их нарядов.

И мне это нисколько не понравилось. Нет, я вовсе не боялась того, что они причинят мне вред – пусть сперва попробуют догнать, чтобы его причинить!

Но я вспомнила слова своей тетушки.

– Ты – Уилсон! – частенько заявляла она мне. – Что бы ни происходило вокруг, в тебе течет сильная и славная кровь нашего рода. Не забывай об этом никогда!

Но, несмотря на ее указ, я постоянно забывала.

Зато сейчас взяла и вспомнила.

Подумала о том, что не пристало... гм... леди Уилсон разъезжать в мужском седле, да еще и в крестьянской одежде на виду у столичных гостей. Пусть наши соседи давно привыкли ко мне в этой самой одежде и даже работающей в огороде или в поле, где я помогала арендаторам, но показываться на глаза аристократии из высшего света в таком виде мне не стоило.

Для этого нужно было надеть пышную юбку, натянуть амазонку, взять перчатки и водрузить на голову глупую шляпку с искусственными цветами. После чего чинно и размеренно покачиваться в дамском седле.

Оно у нас было, это самое седло. Сиротливо висело на стене в конюшне, но я, признаться, всегда его ненавидела.

Поэтому... Поэтому если эти господа собирались меня разглядеть, после чего осудить за ненадлежащий вид, то пусть сперва догонят!

– Быстрее, мой мальчик! – сказала я Грому, хотя моему коню не нужно было понуканий.

Мы с ним настолько хорошо чувствовали друг друга, словно давно уже стали единым целым. И Гром, послушный моему приказу, полетел, понесся вперед.

Я оглянулась через пару минут, но – вот же незадача! – мужчины скакали следом за мной, словно собирались догнать и облить презрением за то, что я не соответствовала высоким стандартам их столичного общества!

Мне это нисколько не понравилось.

Гром, уловив мои мысли, прибавил скорость, и вскоре показалось то самое упавшее дерево. Через него учил нас прыгать еще Шоун, заявляя, что я должна доверять...

Довериться своей лошади, стать ее частью, беспрекословно вручив ей свою судьбу. Потому что у меня есть дар, а Гром непростой конь. Он – потомок мустангов, в которых текла свободолюбивая кровь диких жеребцов, живших в этих степях еще до того, как здесь появились переселенцы из Элайра.

Лошадей, которых первыми приручило его племя. Но только потому, что те пришли к людям сами, как равные.

Я старательно пыталась освоить науку Шоуна. Под его руководством училась сливаться разумом с Громом, прислушиваясь к тому, что рассказывал смуглый черноглазый подросток из племени чикотто.

Делала это так долго, пока однажды у меня не стало выходить кривоватое подобие.

Позже, когда Шоун ушел – скорее всего, вернулся к своему племени, – я попыталась следовать его советам сама. Иногда получалось, иногда нет. Зато сейчас я уверенно объединила наши сознания, полностью положившись на чутье Грома, доверив коню решение – прыгать или нет.

И Гром прыгнул.

Уверенно взлетел в воздух, легко оторвавшись от земли, а затем так же легко приземлился на другой стороне от поваленного дерева и размеренно поскакал дальше.

На миг я уловила его мысли – он был доволен прыжком, скоростью и нашим побегом; ощущал свою силу, выносливость, молодость!..

– Какой же ты у меня молодец! – похвалила его.

Знала, что он не услышит, но обязательно почувствует мое одобрение, и тотчас же ощутила его ответные довольные мысли.

Наконец, Гром сбавил ход, и я повернулась. Как и думала, два всадника растерянно топтались возле дерева, но им было меня уже не догнать. Мы прекрасно это понимали – и они, и я.

– Поедем-ка домой, – сказала я Грому. – Думаю, приключений на сегодня нам хватило с лихвой. К тому же после обеда придут родственники, а это еще то приключение!

Сказала и осеклась, потому что увидела белого волка. Он стоял метрах в двадцати от меня, касаясь боком куста дикого боярышника. Смотрел желтыми глазами – не отрываясь.

Вздвигнув, я тотчас же накинула на Грома и себя защитное заклинание, хотя знала, что волк не причинит нам вреда. Одиночка, пусть и матерый – в наших местах волчьи стаи не были замечены, – нет, он нам был не страшен.

К тому же этого волка я видела не в первый раз. Он появился еще зимой, аккуратно после того, как мне исполнилось восемнадцать. Время от времени я натыкалась на него в лесу, когда тренировала Грома или ехала по делам в Ровердорм.

Волк всегда появлялся как из ниоткуда. Стоял и смотрел на меня, а потом исчезал, будто его и не было.

Порой мне казалось, что он за мной следит. А еще иногда проскальзывала мысль, словно он что-то от меня хочет.

Я рассказала о волке Рогану, а потом соседям, но те лишь пожимали плечами, а кто-то даже предположил, что леди Мире Уилсон все почудилось. Наверное, болезнь все же оставила след на ее – то есть на моем – разуме...

Роган это услышал и тотчас же полез с кулаками меня защищать, требуя у обидчика публичных извинений.

В общем, случился обычный ровердормский бедлам, любимое словечко моей Уны.

Но потом волка стали замечать и другие, и мне стало ясно, что он переселился в наши края. Правда, не разбойничал, на стада и домашний скот не нападал – вел себя на удивление прилично.

Но это не помешало Итону Делавейру, отцу Рогана, объявить на прошлом собрании в мэрии, что они найдут и прикончат хищника. Я тоже была там, и после его слов мне стало не по себе и что-то кольнуло в сердце.

Но волка так и не нашли, а он продолжал с завидной регулярностью попадаться мне на глаза.

Следил. Или, быть может, охранял?

Либо мне это чудилось, и волк – просто волк?

– Знаешь что, – сказала я ему, – у меня и так слишком много проблем, чтобы бегать за тобой и пытаться разгадать твою загадку. Если хочешь что-то сказать – подойди и скажи. А если нет – ну извини, у меня много дел. Вот-вот приедет родня, и мне еще долго будет не до прогулок по лесу.

Сказав это, я мысленно коснулась сознания Грома. Пришла пора возвращаться в «Поющую Иву».

Я любила наш просторный, с мраморными колоннами по всему фасаду дом.

Помимо центрального, в нем было еще два крыла – западное и восточное, – а также просторный холл, множество залов на первом этаже и обитая темными деревянными панелями столовая. Причем с настоящими серебряными канделябрами, по странной случайности не ставшими жертвой приезда столичных Уилсонов

Хозяйские спальни располагались в восточном крыле, и гостевые – в западном.

Память, доставшаяся мне от настоящей Миры Уилсон, время от времени подкидывала разноцветные картинки с проходившими раньше в «Поющей Иве» балами и приемами. Я помнила, как играли музыканты и кружились пары в Бальном Зале, а в Цветочном Салоне шептались дамы, пряча за распахнутыми веерами взгляды и улыбки от своих кавалеров.

Помнила и то, как Тобиас Уилсон вел под руку мою красавицу-маму и какими глазами они смотрели друг на друга. Они любили и были счастливы в браке, в котором у них родились две дочери – я и моя сестра Лиззи.

Потрясла головой, понимая, что с каждым годом этот мир все сильнее и сильнее заявлял на меня права. Затягивал в пучину, из которой не было выхода, и я почти потеряла свою прежнюю, истинную личность.

Иногда даже начинала сомневаться – быть может, ее никогда и не было? Вместо этого всегда существовала только Мира Уилсон, просто меня подкосили несколько месяцев тяжелой болезни и горе из-за смерти родителей, поэтому в мою голову прокрались чужие воспоминания.

Причем из другого мира.

Ничего не было на самом деле – ни города Москвы, ни квартиры на двенадцатом этаже, ни школы номер 57, в которой я успела окончить только девять классов. Ни папиной новой машины, ни аварии на том мосту, когда на нашу полосу вылетел грузовик, а я смотрела на него широко распахнутыми глазами, понимая, что нам уже никуда не свернуть...

Вместо этого всегда было имение «Поющая Ива» со старой ивой в саду, роняющей свои ветви в Лягушачий Пруд.

Мы с Лиззи с рождения жили в Ровердорме, потому что наш отец, отставной военный, считал, что уже сполна отдал долг Элайру и всегда хочет быть со своей семьей. А еще у нас была тетюшка Примула, которую местные считали немного с приветом, но все равно приходили, чтобы та погадала им на любовь и успех в делах.

Тетя гадала – у нее водилась колода карт с полустертыми рисунками, прикасаться к которым нам с Лиззи было строго-настрого запрещено.

Раньше тетюшка делала это бесплатно, но в последние годы, когда с деньгами стало совсем уж туго, стала брать с посетителей небольшую плату.

Ну да, после того, что сотворила с нами родня.

Теперь мне снова представился шанс посмотреть столичным Уилсонам в глаза. Мы ждали их еще вчера, но вздохнули с облегчением, когда они так и не появились. Решили, что Уилсоны заночевали в Ольсене, поэтому прибудут сегодня после обеда.

Но стоило мне выехать из леса, как я поняла: наши родственники в Ольсене все же не заночевали. По подъездной дороге, по обе стороны которой росли столетние дубы, к «Поющей Иве» тянулась процессия из четырех повозок.

Возглавлял ее молодой светловолосый мужчина на белом жеребце – судя по всему, мой неродной кузен, сын тети Азалии от первого брака. За ним, поднимая клубы пыли, катила карета с гербом Уилсонов на боку. Позади, отстав на несколько десятков метров, тащились еще три экипажа, доверху нагруженные поклажей.

Я оценила количество вещей, и у меня не осталось ни малейших сомнений в том, что столичная родня решила провести лето в доме, который они у нас отняли.

Тут из окошка кареты высунулась темноволосая девичья головка – наверное, моя двоюродная сестра. Но пыльная завеса заставила ее чихнуть, поэтому кузина юркнула обратно, задернув за собой шторку.

Ну что же, подумала я, пусть привыкает! Здесь у нас не столица, а Ровердорм – урочище пыли, жары и комаров на Лягушачьем Прудку. Быть может, нашей родне настолько здесь не понравится, что они уже скоро укатят обратно в столицу, оставив нас в покое?!

Эта мысль подняла мне настроение, и я пустила Грома вскачь.

Но напрямик к дому не поехала – решила сперва отдать коня Донахью, чтобы тот почистил и привел его в порядок. Затем быстро переодеться и встретить ненавистных родственников вместе с Лиззи и тетушкой уже на крыльце.

Я несколько не сомневалась в том, что успею сделать это раньше, чем они доедут до «Поющей Ивы».

Глава 3

Столичную родню мы встречали на крыльце.

Пусть на нас с Лиззи не были лучшие наши платья, но я не собиралась представлять перед семьей дяди нищенками, которыми он нас сделал, поэтому выбрала чистую, добротную одежду и привела в порядок волосы.

Позади нас, опираясь на резную трость, стояла вся в черном, включая черный кружевной чепец, тетушка Примула. На ее лице застыло недовольное выражение – тонкие губы были поджаты, карие глаза смотрели неодобрительно.

Признаюсь, она напоминала мне недовольную, нахолившуюся ворону.

Этим утром ей снова нездоровилось, но она все равно поднялась и встретила приезжих, явившихся к нам аж из самого Тригорода, что за пятьдесят миль от Ровердорма, чтобы тетя им погадала. Тем самым наша копилка пополнилась на пять фартингов, а в кладовую добавилась круглая голова сыра – тетя Примула принимала все, что приносили люди, не спрашивая с них определенной платы.

У нее были собственные принципы, которые я несказанно уважала. И еще тетя Прим хранила тайну, которой не спешила со мной делиться, заявляя, что мое время пока что не пришло.

Иногда мне казалось, что это самое время не наступит никогда, потому что тетя собиралась жить вечно.

Ей было... Признаться, я затруднялась сказать, как много, потому что праздновать свои дни рождения тетушка не собиралась, о своем возрасте никогда не заговаривала, а мои вопросы игнорировала.

К тому же в голове у меня постоянно путались воспоминания Миры Уилсон с моими собственными, из-за чего там царил настоящая каша. Из этой самой каши, пусть это было не просто, я все же выловила и составила более-менее правдоподобную картину семейной истории Уилсонов.

Из трех детей Инея Уилсона, нашего с Лиззи деда, Примула была самой старшей, причем почти на целых двадцать лет старше своих братьев, родившихся от второй его жены. Она была дочерью от первого брака, который дед по молодости заключил с женщиной из племени чикотто.

Иней Уилсон прожил в резервации чикотто больше десяти лет, но затем что-то произошло. То, о чем я не знала, а тетя никогда мне не рассказывала. Скорее всего, трагедия, потому что Иней Уилсон вернулся в Ровердорм с ребенком, но без жены.

Начал обычную жизнь, построил «Поющую Иву», а его Прим... Примула, как стали называть тетю на привычный для Элайра лад, пошла в школу в Ровердорме.

Через десять с лишним лет дед женился во второй раз, и в новом браке у него родились двое сыновей. Старший – Тобиас, наш с Лиззи отец, и младший – дядя Персиваль.

Но к сегодняшнему времени ни деда с бабушкой, ни родни со стороны нашей матери уже не было в живых – времена были тяжелыми, да и эпидемии никого не щадили.

Зато экипаж дяди Персиваля, который неплохо устроился в столице, взяв в жены обеспеченную вдову с малолетним сыном Лоуренсом, а потом отобрав у нас с Лиззи наследство, уже подъезжал к «Поющей Иве».

Первым возле крыльца верхом на белоснежном жеребце появился парень лет так двадцати. У него были длинные светлые волосы – и ровердормский ветер раздувал его задорные вихры. Остановившись, он окинул нас с Лиззи надменным взглядом, но затем, не ответив на наш поклон, отвернулся.

Ловко спрыгнул с лошади, после чего, оттолкнув подоспевшего Донахью, которому перед прибытием родни мы наказали заняться их лошадьми, а еще открыть дверцу кареты, подошел к остановившемуся на подъездной дорожке экипажу.

– Не мешайся под ногами, деревенщина! – приказал он Донахью, и я поняла, что с Лоуренсом Уилсоном мы вряд ли подружимся.

Первым из кареты вышел дядя. Застонав, он уткнулся руками себе в бока, затем резко выгнулся, распрямляя спину, и его темный камзол затрещал на объемном животе.

На нас с Лиззи и тетушкой он не обратил никакого внимания. Вместо этого повернулся, протягивая руку к карете, и на подъездную дорожку «Поющей Ивы» ступила его жена, леди Азалия Уилсон.

Признаюсь, долгими вечерами я иногда размышляла о том, что тетя, которая в тот раз, пять лет назад, произвела на меня самое неприятное впечатление, могла быть совсем не такой.

Вдруг я ошиблась, и на самом деле она добрая и хорошая, просто забитая властным мужем? Если так, то я могу постараться и найти к ней подход...

Ясное дело, наш дом и земли дядя не отдаст, и приданое мы с Лиззи вряд ли получим, но, быть может, он согласится оставлять нам чуть больше денег на жизнь? Вернее, позволит не отсылать почти все, полученное от арендаторов, в столицу?

Дом давно нуждался в починке, слугам мы почти не платили, а Лиззи нужно было показать столичным докторам. К тому же есть все хотели каждый день, а я не могла надеяться только на тетушкины гадания и свои победы на скачках – это было слишком уж зыбко.

Но сейчас, взглядываясь в высокомерное тетино лицо, я поняла, что первое впечатление о ней оказалось верным. С ней мы тоже не подружимся, нашей ситуацией она не проникнется и влиять на мужа не станет.

Потому что на лице Азалии Уилсон было написано величайшее презрение ко всему, что происходило вокруг. Не только к моему любимому дому – это распространялось и нас с тетей и сестрой.

Я украдкой вздохнула, похоронив очередные надежды. Затем посмотрела на тетю немного другими глазами, не ожидая от нее ничего хорошего.

Азалия Уилсон оказалась темноволосой женщиной с резкими чертами лица. Немного полноватой, хотя это нисколько ее не портило. Портило ее выражение брезгливости, с которым она обвела взглядом дом и сад, словно, выйдя из кареты, тетя очутилась рядом с большой помойкой.

Но ведь это было не так!

Подъезд к дому Патрик аккуратно выложил брусчаткой, выровняв выступавшие камни. Дорожки были подметены, кусты и трава подстрижены, и даже колонны нам удалось побелить.

Правда, фасад давно не красили, а крыша в западном крыле все равно протекала – попробуй ее почини своими силами, если денег на строительные материалы нет!

Поэтому мы западное крыло закрыли, отложив ремонт до лучших времен. Но с восточным все было в полном порядке.

– Девочки, можете выходить! – заглянув в карету, заявила тетя, не обратив внимания на стоявших на крыльце нас с Лиззи и тетю.

Лиззи вздохнула, и я обняла сестру. До этого мне казалось, что Лиззи не совсем осознавала, насколько унижительным оказалось отношение к нам столичной родни. Зато сейчас я поняла, что сестра прекрасно обо всем догадывалась.

Но больше всех жаль мне было именно тетю Прим – на нее оказалось больно смотреть.

Кожа на худом лице натянулась еще сильнее, нос заострился, став похожим на клюв, а потом вокруг тети закрутились... Она была магом, причем довольно сильным, хотя я не до конца понимала природу ее Дара. Зато сейчас почувствовала, с какой силой взволновались магические потоки.

Но такое нам было совсем ни к чему. Силой нашу проблему не решить – все могло стать только хуже.

– Давайте дадим им время немного освоиться, – произнесла я примирительно.

Тут из кареты показалась, подозреваю, моя кузина – худенькая, черноволосая и кареглазая, с немного смугловатым лицом, чертами лица похожая на дядю Персиваля. Не сказать, что Илейн Уилсон обладала классической красотой, но несомненно кузина выглядела ухоженной и еще манерной.

– Выходи, Кейт! – оглядевшись, заявила она. – Никакой опасности здесь нет.

– Если только умереть от скуки в первый же день в этой глухомани, – раздался недовольный голос, и на свет явилась еще одна девица – с каштановыми волосами, голубыми глазами и пухлым, похожим на хомячье лицо. – Но мы же поклялись друг другу, Илейн, что спасем друг друга от подобной участи.

– Спасем, – согласилась Илейн, повернув голову к крыльцу.

Уставилась на нас цепким, неприятным взглядом.

– А это кто? – поинтересовалась Кейт, кивнув в нашу сторону.

– Какие-то слуги, – поджав губы, произнесла кузина.

– Вообще-то, это твои... кхм... двоюродные сестры, Илейн! – возвестил дядя. – Их зовут Мира и Лиззи, а рядом с ними твоя тетя Примула.

Голос дяди прозвучал так, словно он был порядком смущен из-за подобной ситуации. Правда, я не до конца понимала причину его смущения – быть может, из-за того, что мы все еще живы, хотя он приложил максимум усилий, чтобы уморить нас голодом?

– Подойти же ко мне, исчадь Ада! – раздался торжественный голос тети Прим, и дядя поморщился.

– Только не начинай, Прим, не надо скандалов! Так было лучше для всех!

– Как ты смеешь об этом говорить после того, что натворил?!

– Перси, любовь моя, – поморщилась тетя, – не кажется ли тебе, что твоя сестра давно уже выжила из ума и ее пора отправить в богадельню? Она остается в этом доме лишь по твоей милости, но может в любой момент переехать туда, где за ней присмотрят и помогут скоротать последние дни в ее старческом маразме.

На это тетя вздохнула возмущенно, после чего... закрыла рот.

Угроза была реальной – родня, обошедшаяся с нами настолько ужасно, могла упечь тетю в богадельню. По Ровердорму давно ходили слухи, что с головой Прим Уилсон не все в порядке, но причина была в том, что она родилась и выросла в резервации и так и не вписалась в местное общество.

Мне же столичные родственники не могли ничего сделать – разве что вышвырнуть вон, отказав от дома, потому что я была совершеннолетней. А вот Лиззи грозил пансионат, куда могли ее отправить, а потом забыть заплатить за содержание.

Поэтому я стояла и помалкивала.

– Идемте, девочки! – произнесла тетя. – Посмотрим на ужасное место, в котором нам предстоит провести это лето. С виду оно похоже на дом, но внутри, уверена, все пропахло провинцией. Да и местные крысы, подозреваю, давно растащили и распродали то, что им не принадлежит.

В этот самый момент я поняла, что знакомства не состоится. Вообще ничего не состоится – потому что мы, по мнению родни, были крысами.

Правда, пусть мы и остались без денег, но не растащили и не продали ничего из нашего с Лиззи наследства, пусть и отобранного родственниками.

Тут, словно из ниоткуда, появились те самые ускользнувшие из птичника курицы. Истерически квохча, они едва не кинулись под ноги Илейн и Кейт, стоявших на пути их запыленного бега.

Кузина вскрикнула от страха, а Лоуренс попытался пнуть ближайшую к нему рыжую наседку. Но промахнулся, запутался в ногах и едва не растянулся на дорожке.

– Вот они, прелести сельской жизни! – усмехнувшись, возвестила Кейт.

– Что это вообще такое?! – выдохнула Илейн. – Оно... Оно бегаёт на двух ногах!

– Это курица, моя дорогая, – нахмурилась тетя. – Или же ты думаешь, что яйца растут на деревьях?

– Мама! – обиженно воскликнула Илейн, а дальше я уже отвлеклась, потому что дядя подошел к крыльцу.

Окинул нас с Лиззи непроницаемым взглядом, но ничего нам не сказал. Вместо этого, поднявшись по ступеням, остановился напротив своей сестры. Возвышался над тетей, дыша ей чуть ли не в макушку.

– Я рад, что ты еще жива, Прим! – наконец, возвестил он. – И присмотрела за девочками.

– Если я жива, то явно не твоими молитвами, Перси! – саркастически отозвалась тетя. – Чтобы выжить на те крохи, которые ты нам оставлял, нам пришлось хорошенько постараться.

– Это были никакие не крохи! – нахмурился дядя. – Вполне нормальное обеспечение.

– В гробу я видела твое нормальное обеспечение, – возразила ему тетюшка. – Но знай, Перси, если я умру с голоду по твоей вине, я этого так не оставлю! Стану являться тебе каждую ночь – я и мои духи. И тогда тебе не станет покоя ни в этой жизни, ни по ту ее сторону.

Произнеся это, тетя стукнула тростью по крыльцу, а дядя поморщился.

– Оставь свои глупые шутки чикотто для других, Прим! Я знаю тебя как облупленную, и меня ими не пронять.

– Это ты зря! – усмехнулась тетя Прим, и я была полностью с ней согласна.

Дядя погорячился – магию чикотто ни в коем случае не стоило недооценивать.

– Мы устали с дороги, так что ругаться с тобой я не намерен, – произнес он примирительно. – Давай отложим это хотя бы до обеда.

После чего обратил внимание на нас с Лиззи.

– Ты выросла, Мира, – заявил мне, – и стала настоящей красавицей. Очень похожа на свою мать!

Я хотела ответить что-то едкое, но затем решила, что дядя прав. Нет, не в том, что я выросла и стала, по его словам, красавицей, а в том, что у нас еще будет время на споры и разногласия.

– Спасибо, – ответила ему вполне вежливо.

Он кивнул, после чего взглянул на мою сестру.

– Тебя я запомнил совсем малышкой, Лиззабет! Но ты тоже выросла и совсем скоро тоже станешь красавицей.

Если Персиваль Уилсон ждал ответа и от Лиззи, то он мог оставаться на этих ступенях до самого Второго Пришествия Богов, о котором нам рассказывали на уроках Богословия.

– Моя сестра не разговаривает, – отозвалась я через какое-то время, потому что дядя явно не понимал причину ее молчания. – Лиззи нужно показать врачам, но у нас нет на это денег. Я вам об этом сообщила.

На лице дяди промелькнуло растерянное выражение, затем он кинул быстрый взгляд на жену, но та с независимым видом задрала подбородок. Гордо прошествовала мимо нас, не обратив внимание ни на меня с сестрой, ни на сестру своего мужа.

– Идемте же, девочки! – произнесла она, поманив за собой Илейн и Кейт. – Посмотрим, что нас ждет в доме. Лоуренс, не отставай, дорогой! Вполне вероятно, нам понадобится твоя защита, если вдруг на нас нападут грызуны или пауки. Как же хорошо, что наши слуги совсем скоро придут.

Кузина и ее подруга прошли мимо нас, обдав запахом дорогих духов. Илейн хмыкнула, смерив меня взглядом, а Кейт даже не повернула головы.

Зато Лоуренс остановился возле меня и принялся разглядывать. Начал с лица, затем задержался на груди, после чего порядком завис на моих бедрах.

– А ты ничего так, кузина из провинции! – заявил он. – Думаю, это лето станет для нас с тобой жарким.

– Ну какой же гадкий мальчишка! – пробормотала тетушка, когда к ней вернулся дар речи. – Вот я ему задам!

Она потрясла тростью, а я приложила руки к вспыхнувшим щекам. И все потому, что дядя Персиваль прекрасно слышал слова Лоуренса, но ничего ему не сказал. Словно это было в порядке вещей – вот так на меня смотреть, а потом произнести подобное в его присутствии!

Это означало лишь то, что проблемы обещали быть куда более серьезными, чем мне казалось. Мне предстояло не только защищать от несправедливых нападков свою сестру и тетю, но еще и сберечь свою честь от кузена, который решил позабавиться, выбрав меня для своих развлечений.

Глава 4

На обед, пока обещанные слуги Уилсонов еще не приехали, так как у их повозки сломалась ось и мужчины остались помогать, Уна подала нам тыквенный суп, тушеные овощи с куриным мясом и ягодный мусс.

Но до столовой мы добрались только после того, как я выслушала миллион жалоб и обидных комментариев со стороны тети Азалии и кухни на бедность обстановки, убогость постельного белья и на то, что наши с Лиззи комнаты расположены так близко к отведенным им спальням.

Подобное соседство не пришлось столичной родне по душе, поэтому нам с сестрой было приказано убираться... Хорошо, хоть не на улицу, а из восточного крыла в западное.

В то самое, сейчас закрытое, с протекающей крышей.

Спасла нас тетя Прим, появившаяся в коридоре, привычно постукивая тростью по паркету.

– Девочки останутся жить на моей трети дома, которая досталась мне по завещанию Инея Уилсона. В богадельню вы меня еще не отправили, поэтому ночевать они будут в восточном крыле, в моей спальне.

Азалия Уилсон посмотрела на нее ненавидящим взглядом, но ничего не сказала. Вместо этого заставила нас с Уной перестелить во всех их комнатах постельное белье.

То, что было выстирано, а потом старательно отглажено к их приезду, ее не устроило, и она потребовала сменить на привезенное из столичного дома. Заявила, чтобы мы пошевеливались, после чего можем подавать обед, а то они проголодались с дороги.

Лиззи, посмотрев на тетю большими глазами, развернулась и ушла в сад – правила ей в принципе были не писаны, из-за чего на сестру частенько жаловались школьные учителя. Я же принялась помогать Уне, мысленно уговаривая себя, что стоит всего лишь немного потерпеть...

Каких-то три летних месяца, после чего столичные уберутся восвояси. Не останутся же они зимовать в Ровердорме?!

К тому же им у нас не понравилось, и вряд ли приезд слуг, которых ждали в ближайшие пару часов, что-либо изменит. Вполне вероятно, наша родня уберется домой раньше запланированного срока.

Или же молодой герцог Кавингтон так быстро заскучает в Ровердорме, что укатит в столицу, забрав с собой тех, кто по его милости наводнил провинцию.

Чтобы побыстрее разделаться с бельем, мы с Уной разделились. Но когда я заканчивала застилать постель в комнате Лоуренса Уилсона, в дверь вошел сам хозяин.

– Ну что же, моя маленькая кухня, – произнес он с усмешкой, – мне нравится твоя сговорчивость! Значит, готовишь нам кровать, чтобы было где позабавиться?

На это я решила не доводить до беды и выскользнула из комнаты. Заявила, что меня ждут на кухне, поэтому надо идти. Хотя мне уже стало ясно, что до этой самой беды оставалось совсем недолго. Она обязательно нагрянет, если я внятно не объясню Лоуренсу, что со мной такие вещи не пройдут.

...Обед прошел именно так, как я и предполагала, – ужасно.

Столичные гости нисколько не оценили стараний Уны, которая сотворила невероятное буквально из ничего. Подала лучшее, что у нас было.

Усевшись за стол, дядя тотчас же приказал подать ему красного вина, на что я округлила глаза.

Впрочем, ситуацию Персивалию Уилсону прояснила тетя Прим. Сказала, что вина у нас нет уже давно – последнее выпил еще его управляющий, упокой Боги мятежную душу пропойцы!..

Зато у нее имелась рябиновая настойка собственного приготовления. Дядя, поморщившись, согласился на настойку, но, стоило ему выпить рюмку, как он покраснел и закашлял.

– Ты хотела меня отравить! – воскликнул он.

– Если бы я хотела, то давно бы уже отравила, – спокойным голосом произнесла тетя Прим. – Так что успокойся, Перси, и ешь то, что тебе принесли. И не забудь потом поблагодарить Богов Элайра и нашу кухарку.

– Но это возмутительно! – подала голос тетя. – Дорогой, я не потерплю такого к нам отношения!

– И вообще, где слуги в этом доме? – тут же подхватил дядя. – Почему нет вина? И почему нам подали какой-то... жалкий суп? Где в нем мясо? – Он повернулся ко мне, и его лицо стало наливаясь нездоровым багровым цветом. – Я давно подозревал, что деньги в этом доме разбазариваются на всякие женские штучки! И это несмотря на то, что в своих письмах ты заверяла меня, будто бы все в полном порядке!

– Это я-то заверяла? – округлила я глаза, и тут же поймала ненавидящий взгляд Азалии Уилсон.

– Только посмей открыть рот и сказать, что это не так! – зашипела та, и мне стало ясно, что без нее тут не обошлось. – Вот же мерзавка! Клянусь, я сживу со света тебя и твою сестру!

Судя по всему, это был прямой приказ молчать, иначе нам с сестрой не поздоровится. Но я не собиралась выполнять чьи-либо указания.

– Все деньги, дядя... Вернее, всю требуемую вами сумму я отсылала в столицу. Аккурат раз в месяц на указанный вами счет. На то, что оставалось, мы с трудом сводили концы с концами. Но ваше письмо и все банковские бумаги у меня сохранены, так что я буду рада вам их показать.

Зато тетя Азалия несколько этому не обрадовалась. Умело заткнула рот сперва мне, затем своему мужу, переведя разговор на другое. И я промолчала, решив, что обязательно улучу момент и принесу дяде бумаги, а дальше пусть он сам разбирается со своей женой, явно во всем этом замешанной!..

Повисшую тишину в столовой прервала подруга Илейн, до этого хранившая молчание.

– В народе говорят, что вы гадаете, – повернулась она к тете Прим. – Слухи о вашем мастерстве вышли далеко за пределы этой провинции и добрались даже до столицы. Я буду рада, если вы откроете мне будущее.

Тетушка Прим, немного подумав, кивнула. Заявила, что обязательно это сделает, причем уже сегодня после обеда.

– Я чувствую, что мои Духи ко мне благосклонны, – произнесла это, тетя прикоснулась к черной резной трости. – Они готовы говорить и дадут мне честные ответы.

В этот момент я тоже кое-что почувствовала – ощутила, как в просторной столовой принялись сгущаться невидимые глазу магические тучи. Судя по всему, тетюшка призвала своих духов или же сделала что-то такое, что лежало за гранью моего понимания.

Впрочем, что тут говорить о моих способностях?

До страшной болезни Мира Уилсон не была носителем магического дара, как и ее младшая сестра. Дар у нас появился после того, как мы оправались от лихорадки, но у меня не было нормальной возможности его развивать.

У Лиззи тоже – сестра замкнулась сама в себе, редко идя на контакт с посторонними людьми.

В школе о магии говорили лишь вскользь, поэтому я занималась ею по книгам в библиотеке Уилсонов и пару раз в неделю встречалась со стареньким учителем, который и пытался

обучить меня базовым заклинаниям. Делал это безвозмездно, за еду и разговоры со мной и тетей Прим, потому что заплатить ему мы не могли.

Впрочем, еще был Шоун Белый Змей – он тоже кое-чему меня научил.

К удивлению, столичные гости заинтересовались гаданием, поэтому с обедом было покончено довольно быстро. Уна принялась собирать тарелки, а я стала ей помогать.

Когда вернулась в столовую, обнаружила, что тетушка уже достала свои карты, выловив колоду из черного передника. Затем окинула взглядом столичных родственников и загробным голосом поинтересовалась, кто из них желает узнать свою судьбу.

В ответ установилась тишина.

Несмотря на то, что подруга Илейн завела этот разговор, становиться первой она не рвалась. Как, впрочем, и моя кузина.

Дядя к этому времени все-таки распробовал рябиновую настойку, подобрел и играл с бутылкой в «гляделки». Азалия Уилсон делала вид, что подобные глупости ее не касаются, а Лоуренс, уставившись на тетушку Прим с надменной ухмылкой, заявил, что считает гадание глупой девичьей забавой.

К удивлению, на стул возле тети первой уселась моя сестренка Лиззи.

– Хорошо, Лиззи Уилсон, ты будешь первой! – возвестила тетушка Прим. – Положи ладонь на колоду, дитя мое! Теперь возьми карты в руку. Вот так, сожми ладонь, затем прикоснись колодой к сердцу, а потом приложи ее ко лбу.

– Фу, какая гадость! – подала голос презрительно молчавшая Илейн, но никто не обратил на нее внимания.

Все выглядели заинтересованными. Разве что кроме дяди, которого больше увлекало быстро убывающее содержимое бутылки с рябиновой настойкой.

– Ну что же, приготовься услышать то, что поведают тебе Духи! – торжественно произнесла тетя, после чего вытянула из колоды несколько карт с пестрыми рисунками на лицевой стороне.

Разложила перед собой.

– Ведь Лиззи заговорит, тетушка? – не выдержала я, потому что задавала этот вопрос Примуле Уилсон много раз, надеясь на позитивный ответ ее духов и совет с их стороны.

Но те всегда оставались молчаливыми, если дело касалось меня или моей сестры. Зато теперь, раз уж на них напало красноречие, я не собиралась давать им спуску.

– Ты заговоришь, – посмотрев на Лиззи, произнесла тетушка, – но только после того, как найдешь в себе силы принять то, кем ты являешься на самом деле.

– Принять то, что на самом деле ты дурочка! – кривляясь, заявил Лоренс, на что кузина захихикала, и даже на хомячем лице Кейт появилась насмешливая улыбка.

Лиззи потупилась, а мне захотелось запустить в Лоуренса боевой молнией.

Во всю столичную родню, если быть честной.

– Как только ты это примешь, – продолжала тетя Прим, не обратив внимания на обидные слова племянника, – и сможешь сжиться со своей тайной, ты обязательно заговоришь.

– Ну какие у нее могут быть тайны? – фыркнула Илейн. – Что за бред?

Но тетя Прим оставила без внимания и ее замечание.

– В будущем, когда ты вырастешь, – она уставилась Лиззи в глаза, – тебя ждут большие испытания, девочка моя! Ты несказанно важна для этого мира. Боги даровали тебе многое, но за подобный дар к тебе будет особый спрос. Но если ты станешь следовать велению сердца, тебя будет ждать самый главный подарок Богов. Любовь всей твоей жизни, и ты будешь несказанно счастлива, дорогое дитя!

На этом гадание для Лиззи закончилось.

– Я тоже хочу, – подала голос Кейт как раз в тот момент, когда я раздумывала, уж не пойти ли мне следующей.

Быть может, тетины Духи предрекут мне скорый отъезд родни? О, я тоже была бы несказанно счастлива!

– Ну что же, садись поближе, – кивнула тетя, подзывая Кейт. – А ты, Лиззи, пойдешь еще немного. Ты совсем исхудала, потому что тебя морили с голоду эти исчадия ада! То есть твои единственные родственники.

На это дядя возмущенно засопел, затем заявил, что нужно будет закупить побольше продуктов и вина. Непорядок, что их кормят какими-то овощами, а наливают вот это...

Произнеся эти слова, он икнул.

– Как тебя зовут, дитя? – поинтересовалась тетя Прим у подруги Илейн. – Мне нужно знать полное имя.

– Кейт. Леди Кейт Истром.

– Хорошо, леди Кейт Истром! Положи свою руку сюда, а теперь возьми в нее колоду. Коснись ею сердца, а затем лба. Теперь отдай ее мне. – Забрав карты, тетушка сделала быструю раскладку. – Готова ли ты, Кейт Истром, услышать то, что уготовили тебе Боги?

На это Кейт кивнула, а я подумала, что сейчас прозвучать слова об удачном браке и детишках. Тетушка не говорила людям плохого, даже если видела это в их будущем.

Дождаясь счастливого приговора, я покосилась на Илейн, рассматривавшую свои идеальные ногти, а затем на Лоуренса, который продолжал разглядывать меня исподтишка. После этого посмотрела на Лиззи, взявшуюся за ложку, но так и не донесшую суп до рта.

Неожиданно заметила, что сумка, с которой она вечно таскалась, собирая в нее целебные травы, цветы или разноцветные камушки, подозрительно топорщилась. Что бы это могло означать?

Тут тетя Прим заговорила.

– Тебя ждет тюрьма и позор, дитя! – равнодушно произнесла она. – Хотя нет, Духи подсказывают, что сперва будет позор, а потом тюрьма. Дальше, пожалуй, я не стану продолжать, потому что остальное покрыто туманом, но то, что я в нем вижу, заставляет меня вздрогнуть и больше не раскрывать рта.

Я удивленно округлила глаза – признаться, это было что-то новенькое!

– Ну что же, этого вполне можно было ожидать от твоей сестры, – повернув голову к дяде, произнесла Азалия Уилсон. – Бедняжка Кейти, тебе не стоит расстраиваться из-за глупой старухи, по которой плачет даже не богадельня, а сумасшедшие бараки!

Но та почему-то расстроилась, хотя даже я не поверила словам тети Прим. Зато я увидела, как задрожали полные губы Кейт и забегали голубые глаза.

Впрочем, Кейт Истром быстро пришла в себя. Вскинула голову, затем, фыркнув, поднялась и отошла к окну.

– Итак, кто следующий? – поинтересовалась тетя.

– Пожалуй, это становится забавным! Я тоже не откажусь испытать подобную глупость, – возвестил Лоуренс.

– Итак, что же меня ждет? – усевшись на освободившийся стул, кузен без разрешения схватил колоду, приложил ее ко лбу, затем к груди, перепутав последовательность. – Позор? Тюрьма? Или несусветная тайна? Или, быть может, горячая плотская любовь? Не стесняйтесь, тетушка, выкладывайте все начистоту! Хотя я подозреваю, вы давно позабыли, что это такое, когда мужчина любит женщину.

– Уж я-то не позабыла, – усмехнулась тетя Прим, уставившись на пеструю карточную раскладку. – А вот вам, молодой человек, придется об этом позабыть, причем на долгое время.

– Как это понимать?! – воскликнул Лоуренс.

– Мужская слабость, – возвестила Примула Уилсон, – страшная вещь в столь юном возрасте, мой дорогой неродной племянник!

– Импотенция? – пробормотала я, затем с сомнением покосилась на Лоуренса, подумав, что тетя Прим сегодня разошлась не на шутку.

Или она вместе со своими духами тоже успела приложиться к рябиновой настойке?

– Что еще за бред! – недовольно произнес Лоуренс, поднимаясь на ноги. – Я голоден, – заявил нам, – но меня терзает совсем другой голод. Пожалуй, мне стоит прогуляться и подыскать себе кого-то более сговорчивого для утоления моего аппетита.

Он кинул в мою сторону еще один красноречивый взгляд, после чего вышел из столовой.

– Ну что же, остаешься только ты, милая племянница! – произнесла тетя, повернув голову в сторону Илейн Уилсон.

– Даже не вздумай! – попыталась было остановить ее мать, но двоюродная сестра, вскинув голову, уселась напротив тети Прим.

– Я нисколько не боюсь, – заявила она матери, после чего прикоснулась к картам, – потому что не верю в подобную чепуху. Кейти не может ждать тюрьма, так как она честнейший и добрейшей души человек. А Лоуренс еще в столице доставлял нам массу проблем из-за своего неудержимого аппетита по части женского пола. – Повернув голову, Илейн насмешливо уставилась на тетю Прим. – Итак, что же вы нагадаете мне, тетя? Быть может, темноволосого мужчину, которого мне пообещала гадалка в столице? Или я услышу...

– Жабы, – произнесла тетя Прим, и я вздохнула. Тетушка сегодня явно была в ударе. – Пока ты не начнешь думать сердцем, Илейн, прекрати слушать то, что шепчут в уши злые языки, тебя повсюду будут преследовать жабы.

– Ненавижу жаб, – скривила губы Илейн. – Ну все, хватит с меня этих бредней!

Она собиралась было встать, но тут раздалось громкое «Ква-а!», и на стол рядом с кухонной плюхнулась огромная бородавчатая жаба.

– Ква-а! – заявила та еще раз, и Илейн, подскочив на ноги, завизжала изо всех сил.

Я украдкой взглянула на Лиззи, которая с виноватым видом заглядывала в свою сумку.

– Ты права, Илейн, это переходит всякие границы! – возвестила Азалия Уилсон. – Ну какие же дрянные девчонки! Притащили жабу в столовую, решив напугать мою дочь! Клянусь, я этого так не оставлю! Высеку и одну, и вторую на кухне за ужасный нрав и неуважение к своим благодетелям.

Но Лиззи уже подхватила свою жабу и со всех ног припустила к двери.

– Остановись немедленно! – крикнула ей в спину тетя, только вот Лиззи и не подумала ее слушать. – Приведи ее, сейчас же! – приказала мне Азалия Уилсон, но и я тоже не собиралась исполнять чужие приказы.

– Только посмейте прикоснуться к моей сестре! – заявила ей в ответ. – Она ни в чем не виновата!

Вокруг меня тотчас же закрутились магические потоки, и неконтролируемый всплеск оказался невероятно сильным. Невидимая глазу магия пробежала по столовой, задирая скатерть и опрокидывая стаканы с морсом; задула свечи на канделябрах, затем хлопнула распахнутыми в сад окнами.

Тетя ахнула, а Илейн прекратила визжать и уставилась на меня с опаской.

– Она что, магичка?! – неверяще выдохнула Азалия Уилсон, поворачиваясь к дяде Персивалю. – Перси, ты ничего мне об этом не говорил!

– Успокойся, Азалия! Это просто ветер, – примирительно произнес дядя, на которого, похоже, подействовала настойка. – Магия есть только у Прим, но сестра пользуется ею исключительно для своих глупых гаданий. Что же касается жабы... Ну, подшутили девочки, с кем не бывает? Помню, мы с Тобиасом в детстве постоянно подкидывали родителям жаб. Видимо, Прим их науськала!

– Никого я не науськивала, – возмутилась тетюшка Примула. – Мои карты всегда правду говорят! Духи не врут.

– Я этого так не оставлю! – тетя Азалия не собиралась успокаиваться. – Наведу порядок в этом ужасном месте. Здесь каждый будет знать свое место! – и по ее глазам было видно, что наше было как раз рядом с помойкой.

Глава 5

Наконец-таки я освободилась от домашних дел и отправилась на поиски Лиззи, решив попросить сестру не провоцировать столичных.

До этого дня я много раз говорила с Лиззи о том, что наша главная задача – пережить это лето, поменьше попадаясь родне на глаза. Дождаться момента, когда они уберутся восвояси, и надеяться на то, что они позабудут о нашем существовании еще на несколько лет.

И жабы в сумке в этот план не входили.

Они вообще не входили ни в один из моих планов.

С другой стороны, быть может, они входили в чей-то другой? Например, сестру подговорила тетя Прим, решившая позлить столичных Уилсонов.

Спросить об этом у тетушки не удалось, так как после обеда она удалилась вздремнуть в свои комнаты, ставшие теперь и нашими с Лиззи, а я занялась домашними делами.

Помогала Уне на кухне – Уилсоны привезли с собой кое-что из припасов, поэтому мы поставили тесто для пирога с овощами и курятиной, а также сделали заготовки для ужина. Мы ожидали приезда еще шести человек, так что кормить придется много народа.

Затем я немного смотрела, как разгружали повозки Патрик и Донахью с одним из прибывших из столицы лакеев, после чего меня снова позвала Уна. Мы пошли с ней во флигель, где собирались поселить слуг Уилсонов.

Провозившись около часа, я все-таки вырвалась на свободу и отправилась на поиски сестры. Но Лиззи не оказалось ни в саду, ни возле Лягушачьего пруда. Тогда я решила, что сестра, возможно, в птичнике. Она любила забираться в маленькую будку для наседок, где частенько пряталась от Уны после своих проделок.

Быть может, Лиззи спряталась там от гнева Азалии Уилсон?

Но сестры в курятнике не оказалось. Вместо этого, стоило мне выбраться наружу, отряхивая платье, как я наткнулась на... Надин Остин, дочь нашей соседки, пожаловавшую в «Поющую Иву» без приглашения.

Ее визит стал для меня неожиданностью.

Мы с Надин никогда не были близки, хотя и учились вместе, и я терялась в догадках, что ей могло у нас понадобиться. С удивлением уставилась на крупную девушку в ситцевом ярко-голубом платье. Ее рыжие вьющиеся волосы были спрятаны под платок, летнее солнце рассыпало пригоршню веснушек по ее лицу, но привычные к улыбке губы были поджаты, а серые глаза смотрели на меня решительно и даже недовольно.

Надин была на два года старше меня, но учеба у нее шла из рук вон плохо. Сперва ее оставили на один год, затем на второй, так что школу мы заканчивали уже вместе.

Надин зевала на уроках, демонстративно заявляя, что ее не интересуют ни математика, ни грамматика, ни иностранные языки. Такие глупости ей ни к чему, потому что у нее есть чем заняться.

Ее мать была местной травницей и с детства обучала дочь своему ремеслу, готовя себе замену, поэтому с травами Надин управлялась намного лучше, чем с цифрами и буквами. Бывало, я покупала у Остинов лечебные смеси, когда заканчивались собственные, и один раз даже привела к ним Лиззи, но те не смогли ничем ей помочь.

И вот теперь Надин стояла возле нашего птичника, на мое приветствие заявив, что заметила, как я полезла в курятник, но решила пождать, когда я оттуда выберусь.

– У вас что-то случилось? – поинтересовалась я.

Хотела добавить «тоже», но в последний момент осеклась. Такого, как у нас, с Надин произойти не могло: нашествие столичных родственников Остинам не грозило.

Несмотря на то, что ее мать в Ровердорме считали неплохой травницей, во время эпидемии ей не удалось выходить ни своего мужа, ни родню. Но жизнь продолжалась, и я краем уха слышала, что к Брук Остин стал захаживать мистер Гортон, лавочник из Ровердорма, с вполне определенными брачными намерениями.

– Скоро будет летний бал, – произнесла Надин, уставившись мне в глаза. – Его хотели устроить в мэрии, но Киттингсы собираются пригласить всех к себе. Наверное, ты об этом уже слышала.

– Слышала, – кивнула я. Правда, сейчас мне было не до балов. – Надин, и все-таки, что у вас стряслось?

– Ты права, у нас кое-что стряслось, – кивнула она. – Вернее, у меня, но ты прекрасно обо всем догадываешься. Я никогда не скрывала ни от тебя, ни от других, что влюблена в Рогана Делавейра. Давно уже, Мира! Еще со школьных времен.

– Знаю, – отозвалась я.

Все об этом знали.

Надин влюбилась в Рогана лет так в пятнадцать-шестнадцать. Постоянно краснела и смущалась в его присутствии, но затем решила – не понимаю, кто ее надоумил! – взять дело в свои руки.

Причем взялась за него настолько решительно, что стала не давать Рогану Делавейру прохода.

Ее старательные попытки добиться его внимания со стороны выглядели довольно неловкими. Но почему-то неловко было окружающим, включая и меня. У Рогана они вызвали искреннее недоумение, он сам мне однажды в этом признался.

Не выдержав, я попыталась поговорить с Надин. Объяснить ей, что толку от подобного навязчивого преследования все равно не будет. Наоборот, она сделает только хуже, потому что Роган уже начал ее избегать.

Но Надин обиделась и долго со мной не разговаривала. Полгода, если не больше. Зато сейчас я застала ее возле своего птичника, и она заявила, что пришла с разговором о летнем бале.

Интересно, что бы это означало?

– Роган собирается пригласить тебя к Киттингсам, – глухим голосом произнесла Надин. – Сам мне об этом сказал, когда я у него попросила.

– Погоди, ты попросила, чтобы он пригласил тебя на бал? – изумилась я.

Немного подумав, Надин кивнула. Затем призналась, что он ее отверг.

– Но я-то знаю, что ты ему откажешь, потому что Роган Делавейр для тебя всегда был только другом.

Надин была права, я считала Рогана своим хорошим другом.

– Вполне возможно, что я ему откажу, – вот что я ей на это сказала.

– Я прошу тебя, Мира! – Надин кинула на меня отчаянный взгляд. – Заклинаю всеми Богами, откажи Рогану уже сейчас, сегодня же! Но откажи ему так, чтобы у него не осталось никаких сомнений. Скажи ему, что ты его не любишь и у него нет надежды, поэтому пусть он уже перестанет за тобой бегать!

– Надин, погоди...

– Я страдаю, – произнесла она, сверля меня глазами. – Мамины настойки мне не помогают, потому что нет лекарства от неразделенной любви. И еще от несправедливой любви, потому что Рогану нужна только ты, а ты ему несколько не подходишь.

– Не стоит, – покачала я головой. – Не надо, Надин! Не произноси вслух того, о чем позже станешь жалеть.

Я понимала – она пришла ко мне в отчаянии, поэтому сейчас прозвучат несправедливые слова и горькие упреки.

Но Надин не стала меня слушать.

– Ты словно попала сюда из другого мира, – произнесла она ровным голосом, и я вздрогнула.

Впрочем, вряд ли дочь травницы могла догадываться о том, насколько близко она подобралась к правде. За ее речами скрывалась боль, к тому же мне почудилось, что к ней примешивалась еще и затаенная ненависть.

– Ты не такая, как все, Мира, я поняла это еще в школе. Ты отличаешься от нас, поэтому Роган носитя с тобой, как... Как с драгоценностью. Глядит, словно на диковинку, потому что не понимает, кто ты такая, и хочет разобраться. Хотя на самом деле... На самом деле, ему нужна такая, как я. Настоящая, живая!

– Ты несправедлива ко мне, – покачала я головой.

– Потому что я – соль этой земли, – добавила Надин, больше не скрывая своей ненависти. – Только я смогу любить Рогана всей душой, отчаянно и сильно. Родить ему сыновей, стать ему помощницей, а потом хозяйкой ранчо Делавейров. Но Роган не замечает меня, потому что смотрит только на тебя. Вы очень красивы, леди Уилсон, но никогда не будете ему хорошей женой!

Я вздохнула. Мне было жаль Надин, что тут еще добавить!

– Прости, но я ничего не могу с этим поделать. К тому же я говорила с Роганом уже много раз. Объясняла, что испытываю к нему исключительно дружеские чувства...

– Ты плохо старалась, – заявила мне Надин, – поэтому постарайся получше! Если не ради меня, так хотя бы ради Рогана! Ты ведь желаешь ему счастья? По глазам вижу, что это так. К тому же ты слишком добрая, Мира! Всегда такой была, поэтому замолви за меня словечко. Объясни ему, что твоя судьба – столичные франты, потому что ты принадлежишь к их миру, а нашему Ровердорму и Рогану в ней нет места.

– Все далеко не так, как тебе кажется, – покачала я головой. – Ты в курсе моей ситуации и знаешь, что я вряд ли смогу выйти за одного из столичных франтов. – Пусть титула нас с сестрой дядя лишит не смог, но мы были нищими бесприданницами. – Моя судьба навсегда связана с Ровердормом. Что же касается Рогана, мой тебе совет – если ты не можешь его забыть, тогда запасись терпением. Он должен сам сделать свой выбор, и мои слова тут бесполезны.

Но Надин упрямо покачала головой.

– Я больше не стану ждать. Я устала, у меня нет на это ни сил, ни терпения. Если тебе не нужен Роган, тогда объясни ему это так, чтобы он понял. Иначе...

Не договорила. Оборвала фразу на полуслове и уставилась на меня давящим взглядом.

– Иначе что? – поинтересовалась я. – Неужели ты мне угрожаешь?

Но ответа я так и не услышала.

Вместо этого Надин бросила на меня полный ненависти взгляд, после чего подхватила юбки и решительно зашагала к подъездной дороге.

Я стала смотреть ей вслед, размышляя о том, что к возу и множеству тележек собственных проблем у меня добавилась еще и сцена ревности, а потом невысказанная угроза от лица Надин Остин, травницы из Ровердорма.

Судя по всему, ненависть зрела уже давно, но нарыв прорваться, и я получила то, что получила.

Еще немного поглядела ей вслед – на то, как она шагала, размахивая руками, на ее крепкое и сильное тело, соль этой земли, как назвала себя Надин. Затем пожала плечами, решив, что на провокации вестись я не стану, как и брать в голову чужие угрозы.

У меня было чем заняться и без этого.

Но с Роганом поговорить мне все же стоило. Надин права – на летний бал идти я не собиралась.

Признаться, я вообще никуда не собиралась идти, разве что в конюшню, чтобы поискать там свою сестру. Заодно проведать Грома и посмотреть, как Донахью разместил лошадей столичных Уилсонов.

...Я увидела его возле декоративных кустов боярышника. Он стоял возле забора, ограждавшего нашу территорию от подступающего к ней леса. Тот самый белый волк – и он все так же смотрел на меня желтыми глазами.

Признаюсь, я вздрогнула, потому что волк забрел на территорию «Поющей Ивы», да еще и в самый разгар дня. Я не ожидала от дикого зверя подобной наглости.

– Ты что здесь делаешь? – повысив голос, спросила у него. – А ну-ка, живо уходи, а то я позову людей, и тебе не поздоровится!

К моим рукам моментально прилила магия, но волк тотчас же попятился. Доля секунды, и он исчез в кустах, и даже ветки не шевельнулись.

Я же продолжала стоять с раскрытым ртом, размышляя, не померещилось ли мне это. После чего решила, что не померещилось и мне все-таки стоит поговорить с Роганом. С волком нужно что-то делать, а то, глядишь, однажды я проснусь с ним в одной кровати.

Как вообще можно объяснить тот факт, что он расхаживал по территории «Плакучей Ивы», словно по своему дому?

На миг я пожалела, что мы не держали собаку. В прошлом году от старости умер наш Полкан, Лиззи очень переживала, отказываясь брать другого пса.

Но что, если волк проложит дорожку к птичнику – кто ему в этом помешает?! Или же, не дай Боги, он причинит вред Лиззи? Сестра любит бродить в одиночку непонятно где...

Несмотря на то, что мысль была вполне здоровой – пожаловаться на волка Рогану, и пусть ровердормские охотники снова попытаются того изловить, – она почему-то не захотела приживаться у меня в голове.

Внутренний голос не только ее отверг, но еще и высмеял. Я интуитивно чувствовала, что волк нам не страшен – ни для меня, ни для моей семьи. Куда опаснее оказалось то, что я увидела в конюшне...

Вернее, тот, кого я там увидела – еще одного хищника, но на этот раз двуногого.

Это место всегда было моим убежищем, и я втайне гордилась тем, что нам удавалось содержать просторную конюшню в полном порядке.

Но именно там, в лошадином царстве, полнившемся запахом конского пота, перемежавшимся ароматом свежих опилок и сена, я почувствовала себя так, словно на меня напали и на голову разбили враги.

Это было жестокое поражение, потому что в проходе между денниками стоял Лоуренс Уилсон и с неприкрытым восхищением разглядывал моего Грома.

Я тотчас же кинулась к своему жеребцу. Встала между Громом и кузеном, прижавшись спиной к дверце денника.

До этого я думала, что Лоуренс отправился в Ровердорм на поиски сговорчивых жертв для своего либидо, и выкинула его из головы. Но оказалось, сделала это совершенно зря – потому что кузен с неприкрытой жадностью смотрел на моего коня.

Тут Гром положил мне на плечо голову, и я нервным жестом потрепала его по гриве.

– Отличный жеребец, – довольным голосом произнес Лоуренс. – Уж я-то в этом разбираюсь! Даже не ожидал, что отыщу такую жемчужину в подобном свинарнике.

Сказав это, он уставился на меня сверлящим взглядом, и я так и не поняла, кого он имел в виду – то ли меня, то ли Грома.

– Это моя лошадь, – я постаралась, чтобы мой голос не выдавал волнения. – Моя, Лоуренс! Она принадлежит мне по закону, у меня есть все бумаги, и ни ты, ни твоя семья не имеете к этому жеребцу никакого отношения!

– Я продам его уже на этих выходных, – усмехнулся кузен. – Мне нужны деньги, моя маленькая кузина, и очень крупная сумма! У меня есть пара знакомых в Ольсене, они возьмут этого коня с закрытыми глазами и отсыпят мне прилично золотых монет.

– Ты не имеешь на это права!

– Еще как имею, и ты, кузина, ничего не сможешь с этим поделать. Здесь все принадлежит нам, Уилсонам! Все, начиная от земли, на которой ты стоишь, заканчивая последним гвоздем в этом старом доме. И даже твоя одежда тоже принадлежит нам, так что если я прикажу тебе ее снять, – он уставился на меня сальным взглядом, – тебе придется это сделать!

– С чего ты так решил?! – воскликнула я в полнейшем негодовании.

– Потому что ты тоже принадлежишь нам, – усмехнулся Лоуренс, – и я возьму все, что захочу. И тебя, и твою лошадь. Но, пожалуй, начну с тебя! Мы даже ходить далеко не станем – здесь, в конюшне, на этом стогу сена.

Сказав это, он сделал шаг ко мне, на что я липкими от пота пальцами нащупала и отодвинула задвижку, а затем проскользнула в денник к Грому.

– Предупреждаю тебя в первый и в последний раз, Лоуренс! Не вздумай нас трогать – ни меня, ни моего коня!

Магия давно льнула к моим рукам, и ее приток оказался настолько сильным, что я с трудом могла с ней совладать.

Но Лоуренс не думал успокаиваться

– Если ты станешь хорошо себя вести и ублажишь меня так, как я этого хочу, а потом придешь ко мне этой ночью, то, быть может, я передумаю и не стану продавать твою лошадь. Но тебе придется хорошенько постараться, маленькая кузина!

Но прежде, чем он поделился со мной своими грязными фантазиями, я вскочила Грому на спину. Седла не было, юбки пришлось задрать чуть ли не выше колена, но мне было все равно.

И тут же ощутила, как у нас с Громом устанавливается Связь.

Ему не нравился этот человек, говоривший мне вещи, из-за которых я чувствовала обиду и досаду. Гром хотел увезти меня подальше, но между нами и свободой стоял ухмыляющийся Лоуренс Уилсон.

– И куда же ты собираешься убежать? – поинтересовался он. – Неужели не понимаешь, что тебе от меня никуда не деться? Ты будешь моей, моя маленькая кузина, потому что я так решил. Но если ты мне откажешь... Интересно, как долго ты станешь отказываться, если я начну мучить твою маленькую, глупенькую сестру? Как же ее зовут? Иззи? Биззи?.. Сперва ее, а потом займусь старой каргой. До могилы той уже недалеко, но я помогу ей ускориться.

Внезапно я подумала, что впервые в жизни кого-то так сильно ненавижу.

Да, я ненавижу этого молодого хлыща, который смотрел на меня презрительно и высокомерно, заявляя, что я в полнейшей его власти. Но если я начну противиться, то он продаст мою лошадь, а потом станет мучать мою сестру и старую тетушку.

Тут Гром не выдержал. Взвился на дыбы, после чего ринулся в приоткрытую дверь денника, вышибая ее грудью. Она захлала Лоуренсу по животу, и того снесло из прохода. Кузен отлетел и упал на кипу сена.

На ту самую, на которой собирался вдоволь со мной позабавиться.

Признаться, в тот миг я почувствовала сожаление...

Да, мне было жаль, что Лоуренс не приложился головой об стену. Глядишь, это выбило бы из него всю столичную дурь!

Вместо этого мы с Громом вырвались на свободу и понеслись к дорожке, ведущей к лесу. Я собиралась немедленно отправиться к Делавейрам, потому что оставить Грома перед глазами жадной родни было моей ошибкой.

Я бы не отказалась спрятать до конца лета еще и Лиззи с тетушкой Прим, но не могла. У нас не было возможности это повернуть. К тому же они бы не согласились: это ведь и их дом тоже!..

Неожиданно я заметила, как вдоль темной стены сарая, в котором мы хранили сено и опилки для денников, промелькнуло поджарое хищное тело. Волк размеренно трусил в сторону конюшни, словно он давно у нас обосновался и теперь это его территория.

Повернула голову – так и есть, он вошел в распахнутую на конюшне дверь!

– Гром, – воскликнула я, – остановись!

И тут же обратилась к коню мысленно, потому что, каким бы ужасным человеком ни казался Лоуренс Уилсон, мне нужно было удостовериться в том, что он не падет добычей хищника.

Гром заложил крутой вираж, разворачиваясь. К моим рукам снова прилила магия, которую я тут же принялась мысленно складывать в боевое заклинание – им я собиралась отпугнуть хищника.

В этот самый момент я снова заприметила волка.

Он преспокойно вышел из конюшни, пробыв в ней всего несколько секунд. Немного постоял в дверном проеме, посмотрев на приближавшихся меня и Грома, после чего размеренно потрусил к ближайшим кустам.

На это я отстраненно подумала, что волк вряд ли успел бы убить человека за столь короткое время. Да и пасть у него была чистая, не окровавленная....

К моменту, когда мы с Громом добрались до конюшни, волк снова исчез без следа. Я же с опаской заглянула внутрь, страшась увидеть там растерзанное тело своего кузена.

Но оказалось, опасалась я совершенно зря – Лоуренс уже поднялся и теперь, чертыхаясь, отряхивал от соломы и опилок свой камзол.

Поэтому я снова развернула Грома и поспешила к Делавейрам. Если Лоуренс собирался заявить права на моего жеребца, ну что же, пусть сперва попробует доказать, что тот вообще существовал!

Глава 6

Роган встретил меня на въезде в ранчо Делавейров.

Наверное, заметил нас с Громом, когда мы миновали ворота с надписью, что чужие здесь не ходят, с прибитыми к створкам черепами трех горных пум, которых убили, поговаривали, голыми руками прадед, дед и отец Рогана.

Четвертое место на воротах демонстративно пустовало. Отведено оно было для трофея Рогана, но тот на все вопросы угрюмо отвечал, что зверь в последнее время стал слишком осторожным. Кидаться с кровожадными намерениями, а потом красоваться на воротах в виде черепа не спешил.

Мне оставалось Рогану только посочувствовать – на его лице после этих слов всегда появлялось крайне расстроенное выражение.

Зато сейчас он выглядел обеспокоенным. Прискакал верхом на Скале, здоровенном жеребце арвийской выносливой породы, остановился рядом со мной, с тревогой вглядываясь в мое лицо.

Вот и я тоже на него посмотрела.

Глядела на высоченного, под два метра, плечистого – весь в отца! – молодого мужчину. У него было загорелое, немного обветренное лицо, на котором яркими пятнами выделялись светло-голубые глаза. Смотрели на мир уверенно и порой немного насмешливо, словно к своим почти двадцати двум годам Рогану Делавейру удалось повидать слишком многое.

Девушки давно на него заглядывались, еще со школьных времен. Некоторые даже теряли покой и сон или же, как в случае с Надин Остин, еще и разум.

Зато сейчас насмешки в глазах Рогана я не увидела. Он глядел на меня сверху вниз, затем перевел взгляд на мою ногу, выглядывавшую из-под юбки, которую пришлось задрать до колена.

Но сразу же расспрашивать ни о чем не стал.

Спрыгнул с лошади, заявив, что мне повезло их застать возле дома. Сегодня они собирались перегонять овец на пятое пастбище, а по дороге назад забрать стадо молодых бычков с третьего и отправиться с ними на аукцион в Ольсене.

Я повернула голову в сторону просторного дома Делавейров, посмотрев на блеющую отару, возле которой поджидал сына Итан Делавейр. Верхом я также увидела двух младших братьев Рогана и нескольких наемных работников.

У Делавейров было самое большое ранчо в этих краях – они явились сюда в числе первых переселенцев и вот уже почти сотню лет выращивали скот и разводили овец, продавая мясо и шерсть далеко за пределы провинции.

Дела у них шли хорошо, они постоянно расширялись. К тому же у Итана Делавейра было кому оставить ранчо в наследство – помимо Рогана в семье подрастали два брата-близнеца, которым недавно исполнилось тринадцать.

Кстати, Джеймс и Томас Делавейры, в отличие от Рогана, обладали магическим даром и своими проделками наводили ужас на школьных учителей в Ровердорме. Но так как сейчас были летние каникулы, то близнецы помогали отцу на ранчо.

– Думаю, мне не стоит спрашивать, – произнес Роган, – как прошла встреча с родней. Судя по твоему виду, ты столкнулась лицом к лицу со стаей столичных шакалов.

– Так оно и было, – кивнула я, после чего спрыгнула с Грома.

Собиралась приземлиться на землю, но вместо этого очутилась в объятиях Рогана. Тот оказался рядом – я не ожидала от него подобной прыти. Но тотчас отпустил, не пришлось ни отталкивать, ни просить, хотя Роган задержал меня в своих руках на мгновение дольше, чем того требовалось.

В его объятиях я... ничего не почувствовала, отстраненно подумав, что Надин Остин, наверное, убила бы за то, чтобы оказаться на моем месте. Но, быть может, дело было в том, что мне хотелось лишь одного – чтобы это лето поскорее закончилось?

И еще – чтобы герцог Кавингтон вместе с вызванными его прибытием переменами провалились в преисподнюю, хотя преподобный Стефан вряд ли бы одобрил последнее мое желание.

– Гром больше не может оставаться в «Поющей Иве», – вот что я сказала Рогану. – Ты ведь не откажешься за ним присмотреть?

– Ты же знаешь, что не откажусь, – кивнул Роган, продолжая изучать мое лицо.

Ветер донес до меня его запах – от него пахло потом, своим и конским, и немного табаком, который жевали разнорабочие Делавейров, а еще жарким солнцем и ветром Ровердорма.

Роган был солью этой земли, ее опорой, в этом Надин не ошиблась. И еще он давно на меня смотрел, тут она тоже была права. Пусть не говорил об этом вслух, но я чувствовала его особое к себе отношение.

Но, похоже, Роган решил, что сейчас самое время о нем заговорить.

– Мира, я бы хотел, чтобы ты, твоя сестра и тетя перебрались к нам. Я обсудил это с отцом, он согласен. Мы сможем вас защитить. Я смогу вас защитить, – добавил он.

– В качестве кого нам перебраться к вам, Роган? – вздохнув, спросила у него.

– Сперва в качестве гостей, а потом уже навсегда, – вот что он мне ответил.

Но я покачала головой.

Знала, что означали его слова – невысказанное предложение о замужестве повисло в воздухе. Только вот я не собиралась выходить замуж ради защиты сестры и тети, потому что Надин не ошиблась и в том, что Рогана я не любила.

– Если можно, возьмите к себе Грома, – сказала ему. – Но спасибо за твое предложение, Роган! Мы все-таки останемся в «Поющей Иве», это наш дом. К тому же до конца лета не так много – всего-то три месяца!

– Я сберегу твоего коня, – кивнул он, – но если столичные станут обижать тебя или Лиззи, то я приеду. Мы с отцом и братьями приедем и потолкуем с ними с глазу на глаз. С нами собираются еще Уиткоки с Маринсами и Горгерами, они тоже рвутся в бой.

– Спасибо! – поблагодарила его. – Но мы все-таки постараемся справиться со всем сами.

Над нами все так же висел призрак монастырского пансионата для Лиззи и богадельни для тети Прим, поэтому я не собиралась доводить до открытого или же, того хуже, вооруженного противостояния.

– На этот раз «спасибо» за твоего коня будет слишком мало, – неожиданно произнес Роган, и я растерянно заморгала.

Не ожидала, что после сказанного он попросит у меня оплату за Грома.

К тому же мы всеми силами пытались помочь нашим добрым соседям, никогда и ничего не спрашивая взамен.

Я знала, что тринадцать лет назад роды у миссис Делавейр были тяжелыми и что ни акушерка из Ровердорма, ни местный доктор, ни целитель из Ольсена не могли ей помочь. Когда ситуация стала совсем уж отчаянной, позвали тетю Прим, понадеявшись на магию чикотто, и тетушка благополучно помогла Молли Делавейр разрешиться от бремени, так что близнецы и мать Рогана были обязаны ей жизнью.

Роган несколько раз просил у Лиззи помочь ему с заболевшим скотом, и каждый раз она справлялась. Да и я... Моя целительская магия помогла поставить деда Рогана на ноги, когда тот слег с чем-то похожим на воспаление легких, какое было и у Донахью.

– Неужели ты хочешь оплату за содержание Грома? – спросила у него неверяще.

– Так и есть, Мира! Мне нужна оплата, – кивнул Роган. Губы растянулись в улыбке, но голубые глаза глядели серьезно. – Я хочу, чтобы ты приняла мое приглашение и пошла со мной на бал к Киттингсам.

Мы вернулись в «Поющую Иву» довольно быстро – вряд ли я отсутствовала больше получаса. Роган попросил одного из своих работников присмотреть за Громом, после чего повез меня домой в своем седле.

Но едва показались очертания утопающего в зелени дома, как мы распрощались.

Перед отъездом я пообещала Рогану, что непременно приеду проведать Грома и сделаю это в самом скором времени. Да, возьму Мерлина, на него наша родня не позарится...

Наконец, Роган развернул коня, а я поспешила по дорожке к дому. Неожиданно увидела, как дядя с тетей, вedomые Лоуренсом, свернули за угол, явно направляясь в сторону конюшни, и мне это нисколько не понравилось.

Повезло, что я наткнулась на Уну и тут же набросилась на экономку с расспросами.

– Столичные вас повсюду ищут, мисс Мира! – сообщила она с самым мрачным видом.

– Ты случайно не знаешь, что им нужно?

Она пожала плечами.

– Со всем, что им было нужно, я уже разобралась. Но молодой Уилсон выспрашивал у меня и у Патрика насчет Грома. Мы, конечно же, ничего ему не сказали. Никто и ничего не скажет, мисс Мира, можете об этом не волноваться! – заверила меня Уна.

Поблагодарив ее, я сказала, что сейчас же пойду на конюшню. Нет, не надо звать Донахью: это моя проблема, мне ее и решать.

– А проблемы будут, и еще какие! – покивала Уна. – Эта, как ее, Акация...

– Азалия, – поправила я.

– Да, она самая! Акация Уилсон собирается уже завтра пригласить гостей в «Поющую Иву». Устроить у нас прием, мисс Мира, представляете?! Так мне и заявила!

Признаться, я не представляла.

– Хочет позвать всех соседей – лордов, конечно же, и еще герцога Кавингтона! Сказала, что через пару часов придут слуги, которых нам нужно будет где-то разместить, после чего мы должны начинать готовиться к завтрашнему вечеру. Она напишет указания и составит меню. – Последнее Уна произнесла с величайшим презрением в голосе. – У меня нет слов! Да чтобы я готовила по чьей-то указке?! Клянусь Богами, никогда такого не будет!

Произнеся это, Уна подняла голову к небу, на котором незнамо откуда взявшийся ветер рвал на части темные облака.

– К ночи будет гроза, – неожиданно добавила экономка, и на ее лице промелькнуло тревожное выражение. Или же это солнце скрылось за тучами? – Идет на нас с гор. Возможно, даже буря.

Я покивала, в очередной раз поразившись тому, с какой точностью местные могли предсказывать погоду. Я так не умела – наверное, потому что не была местной, а из другого мира, и это порядком сбивало мне барометр.

– Значит, сперва нас ждет гроза с бурей, а потом прием, на который пригласят всю местную знать и даже герцога Кавингтона, – пробормотала я. – Ну что же, скучно нам не будет ни на секунду. Кстати, ты случайно не знаешь, где Лиззи?

Уна не знала, но заявила, что недавно видела Томми Лайтингера, соседского мальчишку и школьного друга Лиззи. Тот ошивался неподалеку, так что, возможно, моя сестра сейчас с ним.

Кивнув, я отправилась на конюшню, куда Лоуренс увел дядю Перси и тетю Азалию. По дороге ко мне присоединился молчаливый Патрик, а позади прихрамывал Донахью.

– Вот ты где! – накинулась на меня тетя Азалия. Они уже успели войти в конюшню и теперь стояли возле пустующего денника Грома. – Где ты была?

– Гуляла, – пожала я плечами.

– Я знаю, где она была! – с ненавистью заявил Лоуренс. – Она прятала свою лошадь. Я своими глазами видел здесь великолепного вороного жеребца, который стоит целое состояние!

Дядя уставился на меня недоуменно, затем икнул, и я поняла, что настойка тети Прим приказала долго жить. С другой стороны, по словам Уны, тетя Азалия собиралась выдать завтра деньги на покупку продуктов и всего необходимого, так что дяде вряд ли грозила участь протрезветь.

– Придержи коней, Лоуренс! – произнес он миролюбиво. – Откуда здесь взяться скакуну, если у них даже нет вина? Тебе, наверное, почудилось.

И снова икнул.

Лоуренс тут же возмутился, заявив, что он еще не выжил из ума, а тетя уставилась на меня пронзительным взглядом карих глаз.

– Именно так, Лоуренсу почудилось, – произнесла я твердо. – У нас не всегда хватало денег на еду для самих себя, а Лиззи я так и не смогла отвезти к столичному врачу. Нам не по карману держать лошадь, да еще и дорогую!

– Вороной жеребец, – с ненавистью повторил Лоуренс, – со звездой во лбу. Куда ты его дела? Ну же, признавайся! Где ты его спрятала?!

Он принялся наступать на меня, и я попятилась.

– Не было никакого жеребца, – покачала головой. – У нас есть только старый мерин... Вот он, в том стойле! Мерлин, я так его назвала. Других лошадей у нас нет!

– Лоуренс, прекрати сходить с ума, – примирительно произнес дядя. – Наверное, ты перегрелся на солнце и устал с дороги.

Вот и тетя Азалия уставилась на сына с сомнением на лице.

Моя версия казалась им куда более достоверной, хотя Лоуренс продолжал твердить, что он видел в конюшне великолепного скакуна. Затем я, словно дикая кошка, вскочила тому на спину и унеслась в неизвестном направлении.

– Он стоял вот здесь, – указал Лоуренс на девственно-чистый, присыпанный опилками денник.

На это я любезно улыбнулась, а Донахью, успевший убрать все следы пребывания Грома, едва слышно усмехнулся.

– Мы приготовили место для ваших лошадей, – пояснила я дяде и тете.

– Значит, замели следы, – выдохнул Лоуренс, – пока я искал ее и проклятого коня!

– Мы с мисс Мирой были в огороде, – подала голос появившаяся на конюшне Уна. – Выбрали самую большую тыкву, потому что я собираюсь приготовить на ужин еще тыквенного супа, сделать драники из тыквы и тыквенный десерт.

Дядя страдальчески поморщился.

– Пожалуй, пора уже завязывать с тыквой! – пробормотал он, затем посмотрел на пасынка: – Лоуренс, тебе стоит немного отдохнуть с дороги.

– И волка, конечно же, эта девица в доме не держит! – с такой же ненавистью в голосе добавил Лоуренс.

– Мы не держим здесь никаких волков, – любезно улыбнулась я. – У нас даже собаки нет. Год назад умер Полкан. Лиззи очень переживала, так что мы...

– Кого интересует эта дурочка! – перебил меня Лоуренс. Затем обвел глазами собравшихся в конюшне. – Вижу, вы мне не верите, но я выведу их на чистую воду! Их всех! – Затем накинулся на Донахью. – Ты, мальчик с конюшни, скажи мне, куда делся жеребец?!

– Не было никакого жеребца, – спокойно отозвался Донахью, перестав заикаться.

Патрик кивнул, с угрюмым видом подтвердив, что в глаза не видел вороных коней, после чего заявил, что ему нужно идти. Если молодой лорд изволит искать призрачных лошадей и

ловить белых волков, никто не вправе ему запретить, а у него много дел. Колесо на господской карете едва держится, и это чудо, как они вообще добрались до Ровердорма.

Уна тоже ушла, пообещав избавить дядю от тыквенного супа, а Лоуренс заявил, что возьмет своего Алатара и отправится в Ровердорм, где хорошенько обо всем расспросит у людей. Выведет меня на чистую воду и отыщет пропавшего жеребца.

Наконец, он уехал, а мы остались.

Я надеялась пообщаться с дядей с глазу на глаз, но мне так и не удалось провернуть это вечером, потому что к дому подъехали повозки с потерянными слугами Уилсонов. В одной из них оказалось долгожданное дядей вино, так что очень скоро он выпал из действительности. Да и мы с Уной с головой погрузились в домашние хлопоты.

Когда я была едва жива от усталости, появилась Лиззи. Сунула мне в руки три фартинга и кувшин с парным молоком – судя по всему, сестра вернулась с молочной фермы. Скорее всего, от Кордансов – я слышала, что у тех приболела корова.

Наконец, домашние дела были переделаны, и мы отправились в кровать. Я устроилась рядом с Лиззи на широкой софе в спальне тетушки, но еще долго не могла заснуть, прислушиваясь к сонному дыханию сестры и тому, как посапывала тетушка Прим.

Все же задремала, но ненадолго. После полночи явился Лоуренс – громко топал, грохотал дверьми и грязно, пьяно ругался. Я так и не поняла причину его недовольства, но подозревала, что в Ровердорме Лоуренсу никто и ничего про Грома не рассказал.

На всякий случай накинула на нашу дверь дополнительное магическое плетение, но кузен ломиться к нам не стал. Недовольно бормоча, протопал по коридору, и я услышала, как захлопнулась за ним дверь.

В следующий раз я проснулась уже от визга. Подскочила, сняла заклинание и выбежала в коридор – оказалось, визг неся из комнаты Илейн, причем настолько громкий, что кухня перебудила весь дом.

По крайней мере, меня она подняла на ноги, из соседней комнаты прибежала встревоженная Кейт, да и Азалия Уилсон тоже подскочила. Пришел и Патрик, оставшийся ночевать в привратничкой – именно он по нашей просьбе с мрачным видом выкинул жабу, сидевшую в кровати Илейн, за окно.

После чего пожелал всем доброй ночи, развернулся и ушел.

Тетя Азалия тут же накинулась на меня с упреками, обвинив в том, что Лиззи снова решила подшутить над ее дочерью. На это я предъявила ей спящую, разметавшуюся по кровати Лиззи, да и Илейн нехотя подтвердила, что дверь в ее комнату была закрыта изнутри на засов, так что моя сестра не могла войти и подложить ей жабу в кровать.

– Скорее всего, та запрыгнула через окно, – заявила бледная кузина, и я тут же подтвердила, что жабы в Ровердорме крайне прыгучие и им вполне по силам преодолеть расстояние в несколько метров до распахнутого окна на втором этаже.

Уж больно хотелось спать.

Тетя посмотрела на меня с большим сомнением, после чего лично закрыла окна в спальне Илейн.

– Сейчас же по кроватям! – приказала нам, и я потащила в свою комнату.

Но затем передумала и прошла по дому, проверяя те самые окна.

Уна не ошиблась – на нас надвигалась гроза, а с ней, вполне возможно, и буря. Лежа в постели, я слышала, как завывал ветер и стучали по стенам и крыше ветки деревьев. Неожиданно для себя заснула, но, опять же, ненадолго – меня разбудил осторожный стук в дверь.

Оказалось, посреди ночи к нам явились нежданные гости, потому что в одном из соседских домов случилась беда.

В «Кипарисе», особняке молодого герцога Кавингтона.

Глава 7

Тайлор расположился в кресле перед камином, вытянув длинные ноги. Смотрел на огонь, а еще иногда косился на бокал виски, стоявший на круглом инкрустированном столике.

Но куда больше его притягивало пламя. Разгоревшись, оно, потрескивая, прыгало по березовым дровам, кидая золотистые отблески на содержимое бокала и отражаясь от тающих в виски кусочков льда.

Лед был из собственных морозильников «Кипариса».

Вернувшись с верховой прогулки, Тайлор зарядил все магические накопители в доме, чем несказанно обрадовал слуг и привезенного из столицы повара. У него самого тоже нашелся повод для радости – магия с каждым днем все увереннее отзывалась на мысленные приказы. Покорно льнула к рукам, и Тайлор в очередной раз подумал, что лето в деревне станет для него не таким уж и наказанием.

К тому же оно обещало новые и приятные знакомства – Тайлор вновь вспомнил о сбежавшей незнакомке.

Впереди маячили и другие развлечения – скачки в Ольсене, где он собирался выставить Ночного Ветра, и еще охота, которую он думал организовать еще через несколько дней. До этого он собирался посвятить свободное время встречам с арендаторами и детальному осмотру своих владений с управляющим Кимом Йорсенем.

Земли Кавингтонов давно стоило привести в порядок, и Тайлор немного жалел, что не занялся этим раньше. Больше трети из них не обрабатывалось, из-за чего он терял деньги, и это следовало исправить.

Да, требовались кое-какие вложения, но Тайлор не был стеснен в средствах, так как у него имелось несколько прибыльных предприятий в столице. Теперь же он рассчитывал на то, что, осушив болота и кое-где расчистив лес, тем самым привлечет новых арендаторов и в скором времени получит солидную прибавку к прибыли.

Не только это – Тайлор не собирался забывать и о королевском задании. По дороге, объезжая свои владения, он завел с управляющим разговор о жизни в резервации, заявив, что его интересует...

Исключительно личный интерес, заверил он Кима Йерсена, в котором, как оказалось, текла кровь одного из исконных народов. Тот был полукровкой, и его мать принадлежала к племени айваро.

Но если айваро разрешали чужакам находиться на территории их племени, то чикотто вели изолированный образ жизни, встречая людей из Элайра чуть ли не на ножах.

В буквальном смысле этого слова.

Управляющий сразу же заюлил, но Тайлор все-таки вытряс из него обещание, что тот организует экскурсию в племя чикотто. И да, Тайлор был готов заплатить за это столько, сколько потребуется. Расходы в этом вопросе его не пугали: все покрывалось из королевской казны.

Добившись своего, он перевел разговор на жизнь в Ровердорме, после чего задал еще один животрепещущий вопрос.

На этот раз он не получил удовлетворительного ответа.

Но Тайлор не собирался сдаваться. Принялся расспрашивать слуг, а потом и арендаторов, явившихся к нему с жалобами и предложениями. Ответов до сих пор не было, но это не заставило его свернуть с намеченного пути.

Его не оставляло ощущение, что он застыл в полушаге от разгадки тайны сбежавшей красавицы. Нужно немного поднажать или же задать нужный вопрос правильному человеку.

Оставалось всего лишь найти этого самого человека.

К вечеру уверенность Тайлора заметно поколебалась. К тому же поднявшийся ветер гнал по выметенным дорожкам «Кипариса» прошлогоднюю листву, кидая в лицо пыль и сухие травинки. И с каждым новым порывом, а также с каждой новой милей, которую проделывала огромная черная туча, приближавшаяся к Ровердорму со стороны гор, Тайлор чувствовал, как сильнее накатывала на него усталость.

В теле поселилась противная слабость, стала побаливать затянувшаяся рана и пропал аппетит, поэтому он, ощущая себя столетним стариком, устроился в гостиной возле разложенного камина.

Попросил слугу разжечь, потому что его знобило.

Принялся смотреть на огонь, размышляя о том, что он уже сделал и что предстояло успеть за три долгих летних месяца.

Явившийся к вечеру Люк с удовольствием разделил компанию, заявив, что знает причину подобного настроения и отсутствия аппетита. Все очень просто – на Тайлора напала сельская меланхолия.

Но Люк знал, как с ней бороться, – предложил выпить по паре бокалов виски, заявив, что это самое что ни на есть проверенное средство.

Тайлор согласился, но так и не сделал ни единого глотка. Смотрел на то, как друг налегал на содержимое бутылки, время от времени подзывая вышколенного лакея, чтобы тот снова и снова наполнял ему бокал.

Заодно Люк выкладывал свои новости.

Оказалось, пока Тайлор разбирался с управляющим и арендаторами, его друг решил в очередной раз посетить местный кабак, чтобы проверить, помнят ли завсегдатаи о его вчерашнем конфузе.

К удовольствию Люка, история с женой мельника оказалась благополучно позабыта, потому что у местных появилась новая причина позубоскалить – и тоже с любвеобильной женой мельника в главной роли.

Правда, на этот раз героем стал один из столичных, недавно явившийся в эти края.

– Некий Лоуренс Уилсон. Слышал о таком? – поинтересовался Люк.

В этой самый момент Тайлор решил разогнать мерзкую слабость проверенным Люком средством и принять рекомендованное им лекарство. Потянулся к бокалу, но рука замерла на полпути, потому что тело внезапно пронзила резкая боль.

Приступ оказался сильным – Тайлору почудилось, будто бы его ударили раскаленной пикой. Но ему было не привыкать – рана раньше частенько давала о себе знать именно таким образом.

Секунда – и боль прошла.

Но жар никуда не делся, и Тайлору стало не до виски.

– Да, я слышал о Уилсоне, – через силу произнес он. – Не так давно с ним вышел какой-то скандал в столице. Что-то связанное с карточными долгами, которые этот Уилсон так и не удосужился отдать. Кажется, было еще что-то с Кадетским Училищем, откуда его выставили вон.

– Я тоже о нем слышал, – кивнул Люк. – Ты прав, друг мой, этот Уилсон постоянно попадает в передряги. Здесь его тоже угораздило вляпаться по полной.

– Что же он такого натворил?

– В том-то и дело, что ничего, – усмехнулся Люк. – Он так ничего и не смог натворить, за что был побит женой мельника на глазах у всех ровердормских пьяниц, после чего она расстрепала по округе о его мужской слабости.

Последнюю фразу Люк произнес с удовольствием, откровенно радуясь тому, что в местном кабаке кости перемывают не ему, так что он может захаживать туда как и прежде.

Тайлор пожал плечами. Ему было наплевать на Лоуренса Уилсона и на то, что у того не случилось любви с охочей до мужской ласки мельничихой.

– Ну что же, свои новости я выложил, – заявил Люк, закончив смаковать подробности. – Теперь я готов выслушать твои. Итак, удалось ли тебе выйти на след нашей сбежавшей красавицы?

Тайлор снова пожал плечами, о чем на этот раз серьезно пожалел. Накатил новый приступ, и боль, куда более сильная, чем несколько минут назад, прошлась по телу оглушающей волной.

Уходить она не спешила. Терзала его, впиваясь в каждую частицу тела, словно клыки вонзившегося в его живот монстра в горах Ульреха.

– Тайлор, ты в порядке? – нахмурился Люк.

– Все хорошо, – пробормотал он, когда смог говорить.

Приступ наконец-таки миновал. Исчез, словно его и не было, но Тайлор замер, опасаясь пошевелиться лишний раз, не понимая, что с ним происходит и почему это произошло с ним два раза подряд.

Ведь рана давно уже затянулись, и вся грязь и Тьма из нее были убраны лучшими столичными магами!

Приковавшее его надолго к постели воспаление тоже миновало, и он находился на пути к полному выздоровлению – оставалось лишь провести лето в Ровердорме. Не может такого быть, что он снова скатывался в ад, в котором провел несколько последних месяцев!

– Итак, как твои успехи? – вновь поинтересовался Люк.

– Никак, – отозвался Тайлор, гипнотизируя бокал.

– То есть вообще никак?

– Я поговорил с управляющим, но тот либо ничего не знает, либо старательно делает вид, что не знает. И это несмотря на то, что я предложил ему приличное вознаграждение.

Ким Йерсен, конечно, был еще тем пройдохой, но почему-то не стал брать деньги даже за то, чтобы попытаться отыскать ту девушку. Тайлору это показалось довольно подозрительным, и он еще сильнее утвердился в мысли, что незнакомка существует, но управляющий по неизвестной причине пытается ее защитить.

Потому что тот заюлил, стал утверждать, что места здесь глухие, светловолосых красавиц верхом на великолепных скакунах в мужском седле, да еще и превосходных наездниц, тут и отроду не водилось. Быть может, молодому хозяину почудилось?

Когда Тайлор заявил, что он все еще в своем уме, Йерсен уверенно произнес, что таких здесь точно нет.

– Я стал подумывать, уж не живет ли она в резервации, – резюмировал Тайлор.

Это бы серьезно усложнило ее поиски.

– Вряд ли беглянка из местных племен, – покачал головой Люк. – Исконники (прим.ав. – исконные племена) темноволосые и смуглые, к тому же в большинстве своем дикие и недалекие. Носят хламиды из льна, живут в хижинах из глины и хвороста и охотятся на горных коз. Нет же, Тайлор, уверен, та девица была из ровердормских!

– Я расспросил о ней нескольких арендаторов, но они тоже ничего не знают.

Тайлору казалось, что те как раз могли знать, но едва речь заходила о девушке на вороном жеребце, на них нападала амнезия, и они смотрели на него кристально-чистыми лживыми глазами.

Но сдаваться Тайлор не собирался.

– Быть может, я тебе помогу, – неожиданно произнес Люк.

Осушив очередной бокал, он махнул, подзывая лакея, и тот наполнил стакан до краев.

– Неужели тебе повезло больше, чем мне? – удивился Тайлор.

– Именно так, и все тому, что ты снова меня не послушал, друг мой! В отличие от тебя, я не стал выпрашивать о девушке лоб в лоб. Говорю же, местные крайне подозрительны и сразу же начинают думать, что ты собираешься причинить вред кому-то из них.

– Почему сразу вред? – поинтересовался Тайлор. – С чего ты взял?

– С того, что ты – чужак, а чужаки по определению несут с собой один лишь вред, – нравоучительным тоном заявил Люк. – Это первая заповедь того самого Ордена Святого Презрения. За ней сразу следует и вторая – молчать. Держать рот на замке, пока ты не заслужишь их полного доверия. Поэтому тебе никто и ничего не скажет.

Тайлор поморщился.

– Но тебе все-таки удалось что-то разузнать. Неужели ты заслужил то самое полное доверие?

– Нет, так далеко я еще не продвинулся, – посмеиваясь, отозвался Люк. – Но я пошел окольными путями – стал выпрашивать, кого местные считают самой красивой девицей Ровердорма. Не забывал, конечно, при этом подливать, чтобы развязать языки.

– И как, удалось их развязать?

– Удалось. Причем единогласно. Вернее, в три развязанных языка местные заявили, что первой красавицей в Ровердорме считается...

Тут за окном протяжно завыл ветер, и старый тополь застучал ветками в окно, словно предупреждал, что Люку не стоит произносить это имя вслух.

Говорить то, что принадлежит Ровердорму.

– Так кто же она? – не выдержал Тайлор, потому что его друг взял многозначительную паузу.

– Вижу, ты сгораешь от нетерпения, – усмехнулся Люк и оказался не слишком далек от истины.

Только причина была не в нетерпении. От раны по телу разливался жар, и Тайлор прекрасно понимал, что ничего хорошего для него это не означало.

– Не стану тебя томить, – наконец, произнес его друг. – Девушку зовут Мира Уилсон. Да, да, она одна тех самых Уилсонов, похоже, местная их родня. Кстати, они прислали приглашение на завтрашний прием в «Поющую Иву».

Если до этого Тайлор думал отказать своим соседям, сославшись на занятость, то теперь решил, что обязательно пойдет. Если, конечно, открывшаяся рана не выбьет его из колеи.

– Значит, Мира Уилсон? Ну что же, это становится интересно! – пробормотал он.

– Сомневаюсь, – усмехнулся Люк, – что тебе или мне это будет интересно, потому что, по слухам, на девицу уже заявил права некий Роган Делавейр, скотовод и владелец ранчо из Ровердорма. О нем все отзывались с уважением, после чего смотрели на меня так, словно мы, столичные, этому Делавейру и в подметки не годимся.

На это Тайлор неожиданно подумал, что Люк прав.

Сейчас он и в подметки не годился какому-то местному скотоводу. Но позже, когда рана успокоится, он собирался выяснить, кто такая Мира Уилсон и не могла ли она оказаться сбегавшей от него наездницей.

– Думаю, завтра вечером нам представится отличный шанс взглянуть на местную красотку, – добавил Люк, – потому что мы примем приглашение твоих соседей. Ты ведь не успел им отказать?

Тайлор открыл рот, собираясь сказать, что он не успел, но тут за окнами сверкнула молния, и буквально через секунду грянул оглушительный раскат грома.

А вместе с ними пришла такая же оглушительная боль.

Глава 8

Третий по очереди приступ оказался самым сильным. Тайлор больше не сомневался в том, что старая рана снова открылась – это ощущение было ни с чем не спутать.

Жуткая боль, смешанная с огнем, расплзалась от живота по всему телу, словно кто-то внутри него, пышущий ненавистью, пытался разорвать его на части, а оставшееся сжечь.

Тайлор сжал зубы, чтобы не застонать, затем попытался расстегнуть камзол. Хотел добраться до бока и проверить, не истекает ли он кровью.

Но боль лишала его координации; пальцы не слушались, а сознание окутывал густой вязкий туман. Сквозь него он слышал голос Люка – друг с тревогой спрашивал, все ли с ним в порядке, но ответить Тайлор уже не смог.

Кажется, Люк кинулся к нему, стал звать на помощь, но сознание ненадолго его оставило, дав небольшую передышку.

Когда Тайлор очнулся, то обнаружил, что лежит на полу. Сжав зубы, он все-таки поднял руку и приложил ее к боку. Пустил магию через пальцы, собираясь накинуть на себя снимающее боль заклинание.

Но стало только хуже. Намного хуже.

– Твоя рана снова открылась, – словно сквозь густой туман долетел до него голос Люка. – Я попытаюсь снять боль...

– Не надо! – прохрипел Тайлор, но оказалось слишком поздно.

Не услышав, Люк накинул заклинание, что вызвало еще один мучительный приступ.

Повезло – сознание в очередной раз стало его покидать.

– Ровердорм... Доктор... Надо звать доктора... – сквозь ватную пелену долетали до Тайлора мужские голоса.

Говорили двое – встревоженные, даже напуганные. Кажется, один из голосов принадлежал Люку, второй – Киму Йерсену.

– Да, я все понимаю! – твердил Люк. – Говорю же, успею! Наплевать, что там буря, – да хоть адское пекло! Я притащу это доктора за шиворот, даже если он станет сопротивляться. Давай адрес...

Второй бормочущий голос возражал, заявляя, что доктора привезти так быстро не удастся, а судя по состоянию милорда... По моему состоянию, догадался Тайлор. По словам Кима Йерсена выходило, что его встреча с Богами должна состояться уже очень скоро.

– Да чтоб тебя!.. Еще накаркаешь, чума ровердормская! – выругался Люк, после чего выбежал из комнаты.

Вместо него в гостиной появились лакеи и куда-то его понесли. И каждый шаг, каждое их движение буквально разрывали Тайлора на части.

– Вы только не умирайте, милорд! – бормотал идущий рядом управляющий. – Я знаю, кто сможет вам помочь, она здесь недалеко!.. Я скоро ее приведу, и она поставит вас на ноги. Вы только дождитесь, ваша светлость! Кто еще станет так много мне платить и закрывать глаза на недостачу по приходным книгам?.. Мы ведь с вами еще болота не осушили и леса не вырубили, а это такие деньжищи! И в резервацию вы не съездили, хотя уже дали мне целых десять золотых...

Наконец, его положили на кровать, и Тайлор в очередной раз потерял сознание.

Очнулся он от того, что ему в живот заливали лед, и этот лед странным образом приглушал боль и снимал терзавший его тело жар.

Вскоре Тайлору стало настолько лучше, что он смог открыть глаза. Поморгал – зрение все еще сбоило, и пространство казалось затянутым белесой пеленой, но он все-таки смог разглядеть склонившуюся над ним старуху в черном чепце.

Одно рукой она опиралась на трость, а с другой лилась магия – Тайлор, напрягшись, разглядел идущее от старческой ладони бледно-голубое свечение.

Магия оказалась ему незнакомой, но при этом очень сильной, потому что она заставила боль отступить.

Неизвестное заклинание возвращало силы, и Тайлор блаженно закрыл глаза. Тут к нему вернулся еще и слух, и он разобрал, что пожилая женщина что-то бормотала. Но напрасно Тайлор пытаясь вычленив из ее речи знакомые слова: этот язык оказался ему незнаком.

– Тетя, он очнулся! – раздался еще один встревоженный женский голос; молодой и на этот раз говоривший на наречии Элайра.

Тайлор повернул голову. Движение причинило ему боль, но она оказалась вполне терпимой. Старуха снова что-то забормотала, но тогда-то он разглядел...

Рядом с ним стояла удивительно красивая девушка. Золотистые косы спадали ей на грудь, а выбившиеся локоны обрамляли чудесное благородное лицо. Темные глаза смотрели уверенно и спокойно, а нежные губы были приоткрыты от удивления.

В этот самый момент Тайлор с полной отчетливостью осознал, что это она – та самая наездница, которую он повсюду искал. Уверенность явилась словно из ниоткуда, и это чувство оказалось настолько всеобъемлющим, что у него не осталось ни малейших сомнений в его правоте.

Сегодня утром она сбежала у него из-под носа, а теперь стояла возле кровати. Притронулась к его руке, и Тайлор ощутил ее ласковое прикосновение.

– Значит, очнулся? – недовольным голосом произнесла старуха. – Тогда усыпи его, нам не нужны свидетели!

Тайлор попытался возразить, воспротивиться, но из руки девушки тотчас же полилась магия. На этот раз привычная, Светлая – и Тайлор почувствовал, как его стало захватывать в плен сонное заклинание. Попытался воспротивиться, но глаза начали закрываться, а мир стал уверенно погружаться в темноту.

– Кто ты? Как тебя зовут? – пробормотал он, продолжая упрямо бороться с заклинанием.

Твердил эти слова, цеплялся за них, пытаясь выбраться из плена темноты. Пусть магия брала над ним верх, но Тайлор не собирался сдаваться, выцарапывая у нее право на собственное сознание.

– Кто ты? Как твое имя? – продолжал твердить он, пока, наконец, перед глазами снова не посветлело.

– Меня зовут Бартоломью Герен, – возвестил мужской голос. – Магистр Герен, к вашим услугам, милорд! Я – практикующий доктор и маг пятой ступени, держу собственную практику в Ровердорме. Рад, что вы наконец-таки очнулись.

– Очнулся? Вот и хорошо! – с явным облегчением выдохнул где-то рядом Люк. – Доктор, как же я рад, что вы успели вовремя и вернули моего друга к жизни! Признаться, я боялся...

Не договорил, осекся, на что магистр Герен – полноватый, с пенсне на правом глазу и рыжими бакенбардами, обрамляющими сосредоточенное лицо, заявил солидно:

– Вы были правы, у милорда герцога обострилась старая рана. Так иногда бывает – много времени в седле и неумеренность в еде и вине могут привести к подобному печальному результату. Но приступ уже позади.

Тайлор попытался возразить насчет неумеренности, но затем решил, что сейчас это неважно.

– Я влил в него достаточное количество целительской магии, – продолжал вещать Бартоломью Герен, – но для более быстрого процесса выздоровления оставляю вам порошки для снятия боли и микстуру для быстрого восстановления сил.

Тут Тайлор сел, затем оглядел собственную просторную спальню, с удивлением почувствовав, что боли больше нет.

Приступ прошел без следа.

Скосив глаза, он уставился на расстегнутую рубашку, под которой на животе белел длинный кривой рубец – но не было ни крови, ни воспаленных краев, свидетелей разошедшейся раны.

Просто старый белесый рубец.

– Как вы себя чувствуете, милорд? – поинтересовался доктор.

– Хорошо, – с удовольствием произнес Тайлор. – Очень хорошо!

– Вот и отлично, – покивал доктор. – Рад, что смог вам помочь! Оставляю лекарства, которые следует принимать еще как минимум неделю. Также от меня будет список рекомендаций и описание диеты – я передам это вашему повару, и будьте любезны все исполнять! Я приеду проведать вас завтра вечером.

– Но завтра вечером мы собирались на прием, – возразил доктору Люк. – Ты же помнишь, Тайлор, что нас пригласили в «Поющую Иву»?

– К Уилсонам? – живо поинтересовался магистр Герен.

– К Уилсонам, – кивнул Люк. – Раз уж моему другу стало лучше...

– Вы же не хотите, чтобы приступ повторился еще раз? – нахмурился доктор, и Люк за Тайлора ответил, что они не хотят. – Чтобы не мешать запущенным мною целительским процессам, его светлость должен провести в кровати еще как минимум пару дней, а то и больше. Я приеду осмотреть его завтра, после чего станет ясно, что мы будем делать дальше.

– Есть ли надежда на то, что приступы больше не повторятся? – осторожно спросил Тайлор, все еще неверяще разглядывая рану.

Такой зажившей он не видел ее никогда.

– У милорда герцога есть надежда на полное выздоровление, – с довольным видом возвестил магистр Герен. – Признаться, я не понимаю, чем занимались мои столичные коллеги. Всего-то нужно было усилить целительское воздействие и срастить разошедшиеся края. Пожалуй, мне стоит упомянуть об этом в своем письме в Медицинское Магическое Сообщество Элайра...

– Не стоит ни о чем упоминать, – качнул головой Тайлор.

– Конечно же, это останется только в самых узких кругах! – заюлил милорд Герен, после чего в очередной раз принялся перечислять порошки и снадобья, которые он оставлял Тайлору.

Наконец, доктор попрощался и вышел, заявив, что в Ровердорм его отвезет один из лакеев. Тайлор же, отодвинув в сторону нагромождение коробок и склянок, содержимое которых он не собирался употреблять, попросил принести ему бокал виски.

Так будет лучше, чем вся эта белиберда, заявил он Люку

– Вижу, ты уверенно идешь на поправку, – с довольным видом кивнул Люк, и Тайлор не нашел, что ему возразить.

Он шел на поправку и прекрасно это осознавал. Но столь решительные перемены в его здоровье были вовсе не заслугой Бартоломью Герена, доктора из Ровердорма.

– Здесь была девушка, – с нажимом произнес Тайлор. – Пока ты ездил за доктором, она явилась и спасла мне жизнь. Вернее, это сделала старуха, которую она называла своей тетей. Люк, я уверен, девушка была той самой...

На это друг, кинув на Тайлора подозрительный взгляд, взял бумажку, оставленную доктором.

– Не пойму, что накарябал магистр Герен, – нахмурился он. – Почерк у этих докторов такой, словно на бумаге билась в агонии птица. Наверное, так пишут, чтобы пациенты не разобрали, что им осталось совсем недолго... Нет, Тайлор, к тебе это не относится! Так, кажется, я разобрал первую строчку. Принять чайную ложку этой гадости, – он взял со столика темную склянку, – в случае усиления жара и бреда. Гм... Тайлор, у тебя есть жар? Потому что бред, судя по всему, присутствует.

– Я отлично себя чувствую, – возмутился Тайлор. – Говорю же, магистр Герен не имеет никакого отношения к моему выздоровлению. Не он вернул меня к жизни, а девушка и явившаяся с ней пожилая женщина.

– Тайлор!

– Я не схожу с ума, Люк! Позови управляющего... Хотя нет, я позову его сам, – сказав это, Тайлор застегнул рубашку и камзол, после чего уверенно поднялся на ноги.

Но управляющий тоже не сказал ничего вразумительного, кроме того, что они втроем со своим племянником и еще одним лакеем перенесли Тайлора в спальню, когда тот потерял сознание в гостиной.

После этого в молитвах дожидались приезда лорда Пирсона, отправившегося за доктором из Ровердорма. И их молитвы были услышаны – магистр Герен оказался настоящим кудесником. Правда, денег он содрал аж целых три золотых за поздний визит и еще двадцать четыре фартинга за лекарства...

– Девушка и старая женщина, – упрямо произнес Тайлор, – я видел их своими собственными глазами. Ты привел их ко мне, Ким, еще до приезда доктора, и старуха использовала необычную магию для моего лечения.

– Я привел сюда женщин? – картинно возмутился управляющий. – Не было такого, милорд, клянусь бородой Исдора! Я бы никогда... Я бы ни за что! Вы метались в бреду, поэтому вам показалось...

Но напрасно они его уверяли – и Ким, и Люк, и даже призванные в свидетели лакеи. Заявили, что в доме не было посторонних, но Тайлор помнил, что именно он видел собственными глазами.

Она была здесь, и ее чудесное лицо постоянно всплывало у него в памяти. Не только лицо, в голове у него запечатлелся ее силуэт – тонкий, но в то же время женственный. К тому же он до сих пор чувствовал на руке ее прикосновение – нежные, но уверенные пальцы и льющуюся через них Светлую магию.

Это была она, твердо сказал себе Тайлор. Девушка, которую он искал, была в его спальне вместе со своей тетей.

Они-то и спасли ему жизнь, и теперь Тайлор намеревался во что бы то ни стало их разыскать. Это стало для него жизненно-важным вопросом, к которому пари с Люком не имело больше никакого отношения.

Глава 9

До владений герцога Кавингтона мы добирались на трясухой двуколке Кима Йерсена.

Управляющий «Кипариса» оказался настолько убедителен в своей просьбе, когда обливался слезами и уговаривал тетю отправиться вместе с ним, что та довольно быстро сдалась. Кивнув, попросила немного подождать, после чего вернулась в спальню, где я помогла ей скинуть домашний халат и облачиться в дорожное платье.

Спросила, что случилось в «Кипарисе» – потому что часть разговора велась на незнакомом мне исконном языке, и я, естественно, ничего не поняла. К сожалению, язык чикотто, айваро и других племен не преподавали в школах Элайра, и ни тетя, ни Шоун, несмотря на мои просьбы, так и не удосужились меня ему обучить.

Но, видимо, дело было серьезным, раз уж посреди ночи мы отправлялись к соседям. Я собиралась поехать вместе с тетей, не думая отпускать ее одну.

– Он умирает, – наконец, разжала она губы.

– Кто именно умирает? – растерялась я.

– Герцог Кавингтон, – произнесла тетя, повернув голову к окну, за которым рвала и метала буря, в гневе стуча по стене и окнам ветвями строго клена. – Этой ночью демоны явились по его душу. Они собираются забрать его с собой, если мы с тобой не поспешим.

И не стала больше ничего мне объяснять, напрасно я накинулась на нее с расспросами, пытаюсь перевести на нормальный язык то, что сейчас прозвучало.

Что случилось с герцогом Кавингтоном – у него жар, лихорадка? Или сердечный приступ? Быть может, в «Кипарисе» произошел несчастный случай?

Вместо ответов тетя снова забормотала про своих демонов – ну вот что с ней поделаешь?!

Тогда я накинулась с расспросами на Кима Йерсена, дожидавшегося нас в холле на первом этаже, но в ответ тот уставился на меня тяжелым взглядом черных глаз. На скуластом лице, которое выдавало принадлежность в исконному народу, так ничего и не отразилось.

– Надо поспешить! – заявил он.

Патрика мы с собой не взяли, как и явившегося из флигеля Донахью.

Вместо этого тетя сказала, что никто из столичных – ни слуги, ни семья Уилсонов – ни в коем случае не должны узнать о нашем отъезде. Ким Йерсен тут же пообещал, что с нами ничего не случится – поклялся жизнью своих детей, что доставит нас в целостности и сохранности до «Кипариса», а потом привезет обратно.

– Прошу, побыстрее! – торопил он тетю, когда та медленно и величественно сходила с крыльца.

Дождь еще не начался, пусть небо давно уже было затянуто чернильными тучами, но ветер задувал так, словно невидимые глазу демоны вили вокруг нас дьявольские хороводы, завывая, трясая ветвями деревьев и кидая в лицо пыль и мелкий песок.

Раздували наши одежды, хлопали подолами по ногам, словно пытались вернуть нас с тетей домой. Не позволить подойти к коляске, не впустить тетю Прим на территорию «Кипариса», чтобы та спасла герцога Кавингтона.

Если тот, конечно, до сих пор жив.

– Он жив, – раздался голос тетушки, словно та услышала мои мысли. Мы как раз добрались до двуколки, но тетя Прим замерла на полпути, затем повернула голову в сторону, где за ничейным лесом располагались владения герцога. – Но ему осталось не так уж долго.

После ее слов Ким Йерсен взвыл громче ветра, затем подхватил тетю на руки и запихнул ее в повозку, та даже охнуть не успела. Я уселась рядом, управляющий «Кипариса» вскочил на козлы, после чего мы понеслись, полетели во весь опор, и Ким Йерсен не жалел свою лошадь.

Я собиралась обо всем расспросить тетушку по дороге – и о демонах, которые явились за молодым герцогом, и о том, почему она так уверена, что Тайлор Бартон до сих пор жив.

Знала, что тетя никогда не отвечала на мои вопросы, но не теряла надежды, что однажды этот день наступит, и она заговорит.

Но расспросить ее не удалось – мы неслись на огромной скорости, повозку трясло и подкидывало на ухабах, поэтому нам приходилось вцепляться в борта и еще друг в дружку, чтобы не выпасть наружу.

К тому же ветер время от времени пытался сдуть нас с дороги, вдоль которой – уж и не знаю, не почудилось ли мне! – скользила белая хищная тень.

Тут ветер в бессильной ярости накинудся на тучи, разорвав, разметав их по небу, и в гигантской прорехе заблестела луна. Ее свет позволил разглядеть нашего преследователя – белый волк бежал параллельно дороге, уверена, присоединившись к нам сразу же на выезде из «Поющей Ивы».

Тетушка тоже его заметила. Склонила голову – мне показалось, что кивнула одобрительно.

Но, опять же, ничего не сказала.

Я раскрыла было рот, собираясь спросить у нее еще и про волка, но тут по-кладбищенски завыл ветер, и повозка подпрыгнула на очередном ухабе. Натужно скрипнули рессоры, стоило нам приземлиться, после чего нас тотчас же подкинуло еще раз, и я смирилась с тем, что до «Кипариса» нам не поговорить.

Думала накинудся на тетю с вопросами на ступенях великолепного трехэтажного дома, возле которого, миновав гостеприимно распахнутые ворота и на огромной скорости прокатив мимо чернеющих кустов и декоративных деревьев, мы остановились.

Но затем решила, что это тоже не самое лучшее место.

На секунду замерев, я уставилась на огромный, белеющий в грозном сумраке дом, вблизи которого я была только один раз. Как-то с подругами мы специально сбились с дороги, въехав во владения Кавингтонов. Делали вид, будто бы заблудились, тогда как сами разглядывали самый богатый особняк в Ровердорме.

Впрочем, экскурсия закончилась быстро и бесславно – нас вполне вежливо, но бесцеремонно выставили вон, заявив, что это частные владения и посторонним вход запрещен.

Произошло это пару лет назад, но в моей памяти отложился белоснежный трехэтажный дом с колонными по фасаду – в ровердормском стиле, как сказала Нэнси Тейтер, – погруженный в тишину и с зашторенными окнами.

Сейчас особняк тоже был погружен в тишину и в темноту – только ветер раскачивал деревья в саду, сделав очередную попытку сбить нас с ног, когда мы с тетей выбрались из двуколки и последовали за Кимом Йерсеном.

– Сюда! Скорее за мной! – поторапливал нас управляющий. – Вот так, сейчас по ступеням...

Тут входная дверь распахнулась, и к нам подбежал встревоженный молодой лакей.

– Его светлость совсем плох, – заявил он тете. – Надо поспешить, госпожа Уилсон!

Окинул меня любопытным взглядом, и я отметила на его лице характерные для исконных народов черты. Но вместо того, чтобы поспешить, как все от нее ждали, тетя и вовсе остановилась. Стояла, не двигаясь с места, уставившись на Кима Йерсена давящим взглядом.

– Я не ступлю ни шагу, пока вы не поклянетесь, – произнесла она. – Ты и твой племянник...

– Мой троюродный племянник, – поправил ее управляющий.

– Перед Богами вы близкая родня, – безразличным голосом отозвалась тетя. – Вы поклянетесь здесь и сейчас, что о нашем визите никто не узнает. Мне все равно, как вы это сделаете, но клятва должна прозвучать, иначе я не сдвинусь с места. Ее слова тебе прекрасно известны.

Кивнув, Йерсен с явно неохотой произнес пару фраз на исконном языке. То же самое сделал его племянник, после чего управляющий на языке Элайра заявил, что возьмет похожую клятву со всех бодрствующих слуг, которые окажутся в курсе нашего приезда.

Наше появление останется в строжайшем секрете.

– Что это за клятва, тетя? – спросила я, когда помогала тете подниматься по ступеням к дому.

– Хорошая клятва, – отозвалась тетушка. – Если давший ее человек нарушит свое слово, то Духи Предков перестанут его охранять. И тогда за ним придут демоны; распотрошат его внутренности, после чего его кишки сожрут черви, а вороны выклюют ему глаза.

Услышав это, Ким Йерсен зацепился ногой за ступеньку и едва не растянулся на крыльце.

На столь позитивной ноте мы наконец-таки вошли в дом. Миновали погруженный в полумрак холл, затем поднялись на второй этаж. Храня молчание, проследовали по длинному коридору, со стен которого на нас взирали с картин предки герцога Кавингтона.

Наконец, дошли до комнаты, куда, по словам Кима Йерсена, перенесли его светлость, когда того хватил приступ в гостиной.

– Надеюсь, он еще жив! – пробормотал управляющий, распахивая перед нами дверь, и я вошла в просторную комнату следом за тетей.

Это была погруженная в полумрак спальня – лишь мерцали свечи, а над большой кроватью трепыхалась пара магических светлячков. Судя по всему, они были зажжены Кимом Йерсеном – я почувствовала легкую примесь магии исконных народов.

Шторы оказались задернуты, но я все-таки разглядела пару тлеющих угольков в камине в дальнем конце комнаты, словно кто-то попытался его разжечь, а потом бросил за ненадобностью.

Из мебели в комнате присутствовали массивный письменный стол и пара мягких кресел по углам.

Но взгляд мой сразу же приковала к себе кровать.

В голове промелькнула мысль, что не следовало незамужней девице под покровом ночи переступить порог мужской спальни. Впрочем, я тут же ее отогнала.

Ким Йерсен, его троюродный племянник и другие слуги «Кипариса» станут молчать о нашем визите, потому что они дали страшную клятву. Кому захочется, чтобы... гм... невидимые Предки оставили их без защиты, а внутренности сожрали демоны?

Народ здесь мнительный и суеверный, к магии исконного народа в Ровердорме относились с уважением и справедливо побаивались. Так что о нашем приезде никто не узнает – и уж тем более герцог Кавингтон, находившийся в бессознательном состоянии.

Сделав несколько шагов, я подошла к кровати, уставившись на лежащего поверх покрывала мужчину.

Он показался мне самым привлекательным из всех, кого я когда-либо встречала. Даже несмотря на то, что пребывал в забытьи.

Герцог был высок – вытянулся чуть ли не на всю кровать – и отлично сложен. Темноволос – его волосы разметались по подушке; черты лица были правильными и дышали благородством.

Правда, выглядел он бледным до невозможности, и я, признаюсь, на секунду испугалась, что мы с тетей все-таки опоздали. Но затем заметила, как приподнималась и опускалась грудная клетка, и решила, что приехали вовремя.

Вскоре у меня не осталось сомнений в том, что стало причиной подобного состояния Тайлора Братона. Темный камзол и белоснежная рубашка герцога были растегнуты, и я уставилась на длинный, набухший кровью и воспаленный шрам, протянувшийся по всему боку от диафрагмы, уходя аж на спину загорелого мужского тела.

От шрама осязаемо веяло Тьмой – стоило мне взглянуться в рану, как я подсознательно почувствовала идущую от нее угрозу. Эта угроза оказалась настолько ощутимой, что я с трудом удержалась от того, чтобы не попятиться.

С пробудившимся магическим Даром во мне проснулось желание держаться подальше от его Темной стороны, потому что зло не доводило до добра никого.

Ни в одном из миров.

– Ты сможешь ему помочь, Прим? – ныл позади тети управляющий. – Скажи мне, что у тебя получится! Я ведь знаю, тебе это по силам! Тьма проникла в него очень глубоко, и я не понимаю причины... Все было хорошо, и милорд герцог не жаловался на здоровье до сегодняшнего вечера. Он собирался осушать болота и вложить в это много денег, поэтому он не должен...

Тут управляющий осекся, забормотал что-то на своем языке.

– Это все гроза! Тьма в него вошла вместе с ней, – неожиданно произнесла тетя, после чего повернула голову и посмотрела на меня. – Духи этим днем послали мне знак. Сказали, что все началось раньше, чем мы думали.

– Раньше?! – с тревогой переспросил Ким Йерсен.

Успел до того, как этот вопрос задала я.

Но и я не отставала.

– Что именно началось? Кто такие «мы»? – поинтересовалась я, потому что про духов спрашивать у тети было гиблым делом, все равно же не ответит.

Но и сейчас она привычно промолчала.

К тому же за окном промелькнула молния, освещая комнату, затем раздался оглушительный раскат грома, и мне показалось, будто бы лицо герцога побледнело еще сильнее, став совсем уж восковым.

Грудная клетка тоже перестала шевелиться, и я в полнейшем ужасе решила, что он больше не дышит.

– Тетя, ему совсем плохо! – воскликнула я, кинувшись к лежавшему на постели мужчине, по дороге ныряя в магические потоки.

К рукам прилила Светлая магия, я активировала целительское заклинание, не понимая, почему Примула Уилсон медлит.

– Прекрати, Мира! – произнесла она. – Ты сделаешь ему только хуже. Светлая магия здесь не поможет.

– Но он же умирает!..

В этот самый момент со вскинутой руки тети полилось ярко-голубое свечение, и я с огромным облегчением заметила, как шевельнулась грудная клетка мужчины.

Он задышал!..

– Он умрет, – согласилась тетя, – без твоей помощи, Мира, потому что справиться с Тьмой внутри него выше моих сил. Она захватила его целиком, но у него все еще остался шанс. Если ты дашь мне силу, которую даровали тебе Боги, я постараюсь изгнать демонов.

– Конечно же, я дам! Сделаю все, что потребуется! Что от меня нужно? – потому что я понятия не имела.

Правда, у меня имелся только Светлый дар, которым я могла разве что снять приступы кашля у детей или же ускорить заживление ран. Но раз он не подходит, что тогда?!

– Не стой с открытым ртом, Мира! – нахмурилась тетя. – Мне нужна другая твоя магия.

– Какая еще другая? – тоскливо спросила я. – Тетя, я не понимаю!

– Та самая, которая пришла в этот мир вместе с твоим новым существом, когда ты сюда попала. Белый Змей должен был тебя научить.

На это мой рот раскрылся еще шире и уже не спешил закрываться.

Получалось, тетя все это время знала, что я провалилась сюда из другого мира?! Знала, что я не Мира Уилсон, но все годы молчала, ни разу не выказав своей осведомленности?

– Мира, – окликнула меня тетя, – пошевеливайся! Он уже на Грани, и вот-вот перейдет черту. После этого мне его не вернуть.

Я все-таки вышла из заторможенного состояния, решив, что тетя больше не уйдет от ответов – ей придется мне объяснить, что все это означает!

О да, я не дам ей спуска!

– Что мне нужно сделать? Я должна вспомнить то, чему меня учил Шоун?!

– Он самый! Ну же, возьми меня за руку!

– Но Шоун ничему меня не учил, – отозвалась я, выполнив ее просьбу. – Только показывал, как сливаться сознаниями с Громом, и еще что-то по мелочам...

– Ох уж эта молодежь! – закатила глаза тетя. – Раз Шоун тебя не научил, тогда просто открой мне свое сознание. Сделай то же самое, как ты делаешь со своим конем, и я возьму столько, сколько потребуется.

На это я покорно закрыла глаза, пытаюсь выполнить ее приказ.

Распахнула сознание, но ничего не почувствовала. Напрасно я к себе прислушивалась, пытаюсь обнаружить магию, которая явилась со мной в этот мир, – разве что по телу пару раз прокатились прохладные, непонятного происхождения волны.

Наконец, мне надоело стоять с закрытыми глазами, и я принялась смотреть на то, как с ладони тети Прим льется голубое свечение, затекая в живот лежащему перед нами мужчине. А потом и вовсе вытаращила глаза, заметив, как стала уменьшаться в размерах рана.

Светлела, спадала опухоль и уходила краснота, а вместе с ней терялось пугающее меня присутствие Тьмы. Вскоре на неподвижном лице герцога заиграли краски жизни, и он задышал без перебоев.

– Хватит! – заявила тетя, отпустив мою руку. – Больше твоя Сила не понадобится. Я закончу уже сама.

Тут герцог открыл глаза, и я снова открыла рот. Признаться, такое в наши планы не входило – пациент должен был... гм... пробыть без сознания до самого нашего ухода!

– Тетя, он проснулся! – выдохнула я, потому что Тайлор Бартон сперва уставился на Примулу Уилсон, после чего, поморгав, перевел взгляд на меня.

– Так усыпи его! – ворчливо произнесла тетя, и я послушно накинула на герцога сонное заклинание.

Умела делать это вполне сносно – это было последнее заклинание, которое мы разучивали с преподавателем по магии, и старенький учитель исправно засыпал через несколько секунд после его активации.

Но герцог оказался упрямым. Несмотря на свою слабость и на то, что тетушкина магия только что вытаращила его с того света, он продолжал бороться со сном. Уставился требовательно мне в лицо.

– Кто ты? – спросил у меня. – Как тебя зовут?

Вместо ответа я накинула на него повторное заклинание, и герцог Кавингтон наконец-таки погрузился в сон.

Еще через несколько минут тетя объявила, что она закончила.

К тому же стоявший позади нас управляющий какое-то время назад начал проявлять нетерпение. Топтался, вздыхая, за спиной, пока, наконец, не заявил, что гость герцога, некий лорд Пирсон, где-то час назад отправился в Ровердорм за доктором.

По его прикидкам, если ничего не случится в дороге, они должны прибыть через несколько минут.

Нам неплохо бы поспешить – иначе ни он, ни его племянник не смогут исполнить данную клятву, а встретиться лицом к лицу с полчищем изголодавшихся духов их не прельщало.

– То есть кто-то поехал за глупцом Гереном в Ровердорм? – нахмурилась тетушка.

Доктора она недолюбливала. Считала напыщенным индюком, ничего не смыслящим в магии, несмотря на диплом Академии Магии Триерса. Это чувство усилилось после того, как Бенджамин Герен попытался произвести на меня самое лучшее впечатление, чем и занимался последние несколько месяцев.

Наше знакомство состоялось пару лет назад, когда он перекупил практику у старого доктора Эндра и я привела к нему Лиззи. Герен попытался лечить ее магией, затем гипнозом и микстурами, после чего признал, что справиться с болезнью сестры ему не под силу.

Мы не виделись полтора года, пока неожиданно не столкнулись на воскресной мессе, после чего Бенджамин Герен повадился приезжать в «Поющую Иву». Утверждал, что у него якобы есть новое, экспериментальное лечение для Лиззи, за которое он не возьмет с нас деньги. Но вместо лечения доктор засиживался за столом, попивал чай и съедал все, что мы ему подавали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.